

Boxoft Image To PDF Demo. Purchase from www.Boxoft.com
to remove the watermark.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

Ю.А. КИМЕЛЕВ

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

(СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ)

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

**МОСКВА
2011**

ББК 60
К 40

Серия
«Проблемы философии»

Центр гуманитарных научно-информационных исследований

Отдел философии

Автор обзора
Ю.А. Кимелев – доктор философских наук, профессор

Ответственный редактор –
кандидат философских наук *Г.В. Хлебников*

Кимелев Ю.А.

К 40

Методология социальных наук (Современные дискуссии): Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. философии; Отв. ред. Хлебников Г.В. – М., 2011. – 94 с. – (Сер.: Проблемы философии).

ISBN 978-5-248-00566-6

Анализируются тенденции в толковании функций социально-научного знания, представленного в современной западной философии и теоретической социологии. «Философия социальных наук» рассматривается в рамках аналитической традиции, в контексте критической теории и герменевтики. Представлены также важнейшие методологические дискуссии в современной социологической теории.

Для философов, социологов, культурологов, специалистов других гуманитарных дисциплин, а также преподавателей различных уровней и всех интересующихся данной тематикой.

ББК 60

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Философия социальных наук	9
1.1 Объектная сфера социально-научного познания	10
1.2. Вопрос метода в философии социальных наук	23
Глава 2. Методология социологического познания	31
2.1. Онтологические аспекты методологии социологического познания	32
2.2. Методологическая проблематика социальной агентности ...	47
2.3. Социологические теории как объект метатеории	54
Глава 3. Методология исторического познания	61
3.1. Философия истории как вид постижения истории	62
3.2. Аналитическая философия истории	72
3.3. Методологическая проблематика исторической социо- логии	81
Заключение	88
Литература	90

ВВЕДЕНИЕ

«Методология социальных наук» может пониматься весьма широко, в том числе и потому, что соотносится со сферой разнообразных конкретных методов, методик, техник и средств наблюдения, измерения и анализа, применяемых в социальных науках.

Из всего актуального и потенциального многообразия проблем методологии социальных наук данная работа обращается к трем группам таких проблем.

К *первой* группе можно отнести проблематику оснований конкретных методов и, соответственно, исследовательской практики социальных наук. В традиции такие основания обозначались иногда как «предпосылки» совокупности социальных наук. С целью выделить особый статус этих основополагающих проблем методологии социально-научного познания мы используем применительно к ним термин «метатеоретический», а не «методологический».

Функцию некоей общей метатеории социально-научного познания берет на себя «философия социальных наук»¹. Это принятое обозначение имеет широкое применение, поскольку философия социальных наук может выступать, как это покажет данная работа, и в форме относительно автономной философской дисциплины; и в форме разработок соответствующей проблематики в контексте разнообразных по своей дисциплинарной принадлежности философских концепций; и в форме определенных сегментов или аспектов в рамках методологических или объектно-исследовательских теорий в социальных науках.

К примеру, вот уже почти два столетия методологическое исследование научно-историографического познания считается

¹ В этом плане данную публикацию можно рассматривать как продолжение реализации исследовательского проекта автора, задачей которого является анализ состояния западной философии на рубеже XX–XXI вв. См.: 14–17.

делом философии, именуясь «философией истории» (наряду с этим в академической историографии существует целый комплекс дисциплин, занимающихся проблемами методологического обеспечения, в частности источниковедческого, конкретной исследовательской практики).

Особого внимания заслуживает отношение между философией социальных наук и социальной философией. Философия социальных наук, так же как и социальная философия, осуществляет концептуализации социальной реальности. В первую очередь это относится к концептуализациям онтологического порядка – общей характеристике социальной реальности, проблематике агентности. В такой объектной направленности философия социальных наук и социальная философия совпадают. Различие заключается в том, что первая осуществляет свои объектные концептуализации с учетом того, что речь идет об общем философском определении предметной сферы социальных наук. Социальная философия, естественно, работает безотносительно того, будут ли ее концептуализации тематизированы как предметная сфера социально-научного познания.

Вместе с тем если такая тематизация может быть реализована или тем более реализуется, то налицо совпадение обеих философских дисциплин. Точнее будет сказать, что социальная философия выступает в функции философии социальных наук. Фактически это означает подтверждение сказанному выше о том, что философия социальных наук не обязательно должна носить форму только автономной философской дисциплины с таким названием.

Любые теоретические построения философии социальных наук могут быть использованы в целях метатеоретической рефлексии по отношению к методам и исследовательской практике социальных наук. В связи с этим в сферу нашего внимания будут включены и такие построения философии социальных наук, которые не содержат эксплицитным образом указания методологического характера в строгом смысле. В первую очередь это относится к онтологическому сегменту ее проблематики.

К числу фундаментальных содержательных оснований методов и, соответственно, исследовательской практики социальных наук в первую очередь следует, на наш взгляд, отнести следующие.

Прежде всего это усилия прояснить общий характер социальной реальности как объектно-предметной сферы социальной теории, установить, какие категории феноменов наличествуют нередуцируемым образом в социальном мире. Другой комплекс ори-

ентирован на то, чтобы определить, какой метод позволяет наиболее адекватным образом постичь функционирование социального мира. Еще один комплекс метатеоретических проблем социально-научного знания связан с традиционным для теории науки стремлением установить статус теоретических построений социально-научного знания, прояснить, что обеспечивает и гарантирует правомочность притязаний на теоретическое знание об исследуемом социальном мире.

Мы указали здесь основные направления работы современной философии социальных наук. Традиционно в философии социальных наук и вообще в методологии социально-научного познания значительную роль играли вопросы ценностной и мировоззренческой ориентации исследователя. В настоящее время внимание к ценностно-мировоззренческой проблематике резко снизилось. Связано это прежде всего с ослаблением роли и значения социальной критики в социально-научном познании, что, естественно, находит отражение в методологической рефлексии. Разумеется, эта проблематика не исчезает полностью. Нейтрализуется ее острота, и она вытесняется на периферию метатеоретической и методологической проблематики социально-научного познания.

Наряду с проблематикой философии социальных наук в работе рассматривается методологическая проблематика социологического познания и исторического познания. Это еще две группы методологических проблем, рассматриваемых в работе. Здесь мы имеем дело с конкретными исследовательскими методами в их функциональной реализации. Рассмотрению подлежат только наиболее общие моменты и аспекты методологической проблематики социологического и исторического познания.

Вследствие такого подхода становится целесообразным указание на характер отношений между проблематикой философии социальных наук и методологической проблематикой социологического и исторического познания в ее общей части.

Следует, прежде всего, подчеркнуть, что ни о какой иерархии, ни вообще о какой-либо системности в отношениях между философией социальных наук и методологией конкретных социальных наук говорить не приходится. Вместе с тем мы вправе констатировать, что выделенные нами основные тематические направления метатеоретической мысли в философии социальных наук фактически находят продолжение в методологии социологического и исторического познания. В связи с этим можно даже говорить о наличии определенной сквозной тематики в философской

метатеории социальных наук и в собственно дисциплинарной методологии этих наук.

Разумеется, такой сквозной тематикой далеко не исчерпывается философская и конкретно-дисциплинарная методологическая проблематика социально-научного познания. Мы это увидим в процессе исследования. Вместе с тем ориентация на такую сквозную тематику способна задать определенное единство наиболее теоретическому компоненту методологического комплекса социально-научного познания, который, собственно, и является объектом изучения в нашей работе.

* * *

В работе, посвященной методологической проблематике социально-научного познания, как естественно предположить, объектом рассмотрения должна стать специальная литература, связанная с этой проблематикой. Действительно, такая литература будет рассматриваться в первую очередь. Вместе с тем собственно методологические работы немногочисленны. Здесь следует подчеркнуть следующее. Публикаций, содержащих разработки конкретных методов и методик, средств наблюдения и измерения, которые применяются в конкретных исследованиях, немало. В качестве примера достаточно указать на методологическую литературу, обеспечивающую эмпирические исследования в социологии.

Об относительной немногочисленности работ, специально посвященных вопросам методологии социально-научного познания, мы говорим только применительно к той метатеоретической и методологической проблематике, которая становится объектом изучения в данной работе и о которой шла речь выше.

Сказанное означает, что данная работа не может опираться исключительно на специальную литературу. Отсюда следует необходимость реконструкции и последующего анализа метатеоретической и методологической проблематики, какой она результативно представлена в уже осуществленных объектных исследовательских разработках. Таким образом, источниковедческой основой нашей работы служат, во-первых, работы, специально посвященные метатеоретической и методологической проблематике социально-научного познания; во-вторых, работы, где такая проблематика является только особым измерением, представлена эксплицитными или имплицитными ориентациями и т.п., подлежащими реконструкции и анализу.

Работа структурирована следующим образом. Глава 1 посвящена проблематике философии социальных наук, преимущественно в ее функции общей метатеории социально-научного познания. Речь идет о проблематике, которая не получает решения только в дисциплинарных границах отдельных социальных наук, в рамках осуществляемой этими науками методологической саморефлексии. В главах 2 и 3 рассматриваются проблемы методологии социологического и исторического познания соответственно.

Глава 1

ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Философию социальных наук можно возвести к шестой книге «Системы логики» Джона Стюарта Милля. Здесь предпринимается попытка предложить логико-эпистемологическое обоснование «моральных наук».

В процессе все нараставшей дифференциации социальных наук на передний план выходили работы, посвященные разработке методологических проблем отдельных социально-научных дисциплин. Чаще всего подобные работы создавались специалистами в этих дисциплинах. Вместе с тем задача разработки философии социальных наук как некоей общей метатеории по меньшей мере основных социальных наук никогда не снималась с повестки дня.

Философию социальных наук следует, на наш взгляд, понимать как философское исследование характера и функций социального познания, как оно осуществляется социальными науками, имеющими академическую институционализацию. Философия социальных наук может представлять и как специальная философская дисциплина с таким названием, и как обозначение для соответствующих разработок в различных разделах и дисциплинах философии. Элементы философии социальных наук содержатся и в методологических разработках, которые осуществляются в рамках различных социальных наук. В любом случае речь идет о метатеоретической рефлексии философского плана, о философско-методологической проблематике, как она понимается в современной академической философии.

Философия социальных наук связана прежде всего с онтологической проблематикой; с проблематикой социальной агентности, индивидуальной и коллективной; с разработкой адекватного метода постижения социальной реальности; с вопросами философ-

ского анализа и обоснования социально-научных теорий как результата исследовательской практики социальных наук.

Каждая из этих проблемных областей многообразно пересекается с определенными разделами философии и соответствующими философскими дисциплинами. Об этом пойдет речь ниже. К примеру, то, что принято называть «онтологией социальных наук», задачей которой является общее «онтологическое» определение предметной сферы социальных наук, не может не взаимодействовать с философской онтологией вообще. Проблематика социальной агентности оказывается связанной в современной философии с проблематикой философии сознания и т.п. Вопросы метода сопрягаются с целым рядом компонентов философской эпистемологии.

Вопросы, рассматриваемые философией социальных наук, во многих отношениях совпадают, соответственно они могут быть отнесены к области философии или теории науки, разумеется, прежде всего к той ее части, которая связана с социально-научным познанием. Если возникает проблема демаркации областей философии социальных наук и философии науки, то чаще всего предлагаются следующие решения. Философия социальных наук наделяется функциями «теории науки в широком смысле», а «теория науки в узком, или строгом, смысле» – функциями анализа готовых теоретических образований.

1.1 Объектная сфера социально-научного познания

Философия социальных наук стремится прежде всего решить несколько онтологических задач, связанных с общим определением социальной реальности как объектной сферы социальных наук. Первая задача – попытаться ответить на вопрос о возникновении, оформлении социальной реальности в единой реальности. Она решается через соотнесение с природной реальностью и антропологической реальностью. Подходы к решению этой задачи определяются общей философской позицией – онтологической схемой, эпистемологическими воззрениями, пониманием философско-антропологической проблематики.

Вторая задача – постичь фундаментальное строение социальной реальности, определить ее базисные элементы, постулируемые как объектный ориентир социально-научного познания. В качестве элементов фундаментального строения полагаются чаще всего институциональные структуры и человеческая агент-

ность, индивидуальная и коллективная, как способность человека поддерживать и изменять такие институциональные структуры.

Такая задача воспринимается как задача либо определить какой-то один из указанных элементов как «первичный» по отношению к другому, либо определить характер их взаимоотношения и взаимодействия. Очень важно отметить, что при решении данной задачи первостепенное внимание уделяется агентности. Именно постижение агентности считается делом философии. Институциональные структуры в их данности воспринимаются преимущественно как дело социальных наук. Исследование характера конкретных отношений между агентностью, или социальным действием и структурами, разработка типологии этих отношений также считаются делом социальных наук, в первую очередь социологии. Соответственно, эти отношения в своей конкретике будут рассматриваться нами в разделе, посвященном методологии социологического познания.

Следует подчеркнуть, что по объему внимания и интереса вторая задача значительно превосходит первую. В социальных науках и в философии социальных наук фактически господствует предпосылка, в соответствии с которой социальная реальность есть какая-то «вторая природа» или в любом случае нечто автономное, что может служить исходной данностью или неким общим фоном социально-научного и философского анализа. Соответственно, можно, как считается, сразу же переходить к рассмотрению в той или иной форме второго компонента – базисного строения социальной реальности.

1.1.1. Указанные задачи целесообразно рассматривать в единстве. Первая может восприниматься как важнейшее условие возможности решения второй, а вторая – как закономерное дополнение и продолжение первой. Как бы то ни было, устремление онтологии социальных наук, как ее разрабатывает философия социальных наук, не будет в полной мере достигать своей цели при игнорировании вопросов о месте социальной реальности в единой реальности. Ведь, во-первых, упускается возможность наиболее глубинного постижения социальной реальности. Во-вторых, не используется важнейший ресурс квалификации социальной реальности – ресурс, связанный с общей онтологической схематикой.

Поэтому следует обратиться к тем работам, в которых, во-первых, разрабатывается общая онтологическая схема и, во-вторых, эксплицитно ставится задача указать место социальной

реальности в этой схеме. Подобные работы очень немногочисленны.

Так, работа Ингвара Иохансона (51) относится к числу весьма редких в современной литературе, поскольку ставит цель разработать «когерентную систему всех наиболее абстрактных категорий», нужных для истинного описания мира. «Для лучшего понимания природы, человека и общества, а особенно отношений между ними следует, – пишет И. Иохансон, – пересмотреть наши самые базисные категории... созрело время не только для модификации или возврата к какой-то категории, но и для создания новой категориальной системы» (51, с. 6). Вместе с тем И. Иохансон утверждает: «Важнейшая онтологическая проблема сегодня – как разместить общество в природе» (51, с. 5). Итак, одна из главных задач онтологии, по И. Иохансону, состоит в постижении реальных категорий, нужных для естественных и социальных наук.

Традиционные теории категорий, как считает И. Иохансон, можно классифицировать в соответствии с по меньшей мере двумя измерениями. Во-первых, они являются либо атомистскими, либо холистскими. Во-вторых, они либо содержат, либо не содержат категорию «субъект». Тезис онтологического атомизма – это утверждение о том, что факты в своем существовании не зависят друг от друга. Онтологический атомизм обычно сопровождается эпистемологическим тезисом о том, что постижение тотальности вторично по отношению к пониманию частей. Понимание тотальности равно суммарному постижению частей. Атомистская онтология принимает одни и не признает другие категории. Различные вещи мыслимы в различных онтологиях.

Наряду с оппозицией между атомистской и холистской онтологиями существует оппозиция между традициями, не допускающими где-либо в науке категорию субъекта, и теми, которые полагают субъект в качестве основного специфического для социальных и гуманитарных наук объекта. С одной стороны – философы французского Просвещения, позитивизм XIX в., логический позитивизм, бихевиоризм и структурализм. С другой – философы романтики, неокантианство, экзистенциализм и герменевтическая философия.

Свою теорию категорий И. Иохансон стремится рассматривать в качестве попытки преодолеть как традиционную оппозицию между атомизмом и холизмом, так и оппозицию между про-субъектными и антисубъектными категориальными системами.

В этой теории совокупность категорий должна образовать «онтологическую систему». При разработке такой системы основная трудность заключается в объединении концептуализации природы, отождествляющей ее с «мертвой» материей, с идеей о том, что некоторые понятия, не соотносящиеся с понимаемой таким образом природой – например, понятия «действия» и «интенции», – все же соотносятся с чем-то, что обладает реальным существованием.

Разграничение между природой, человеком и обществом может быть осуществлено с помощью категории интенциональности. Соответственно, природа тождественна с не-интенциональной частью реальности. Интенциональность представляет собой наиболее важную для понимания человека категорию. Категория интенциональности является ключевой и для понимания общества. Ведь человек и общество немислимы друг без друга. «Существует только один способ объединить индивидов и общество, – утверждает И. Иохансон, – сделать это можно с помощью категории интенциональности, а также различных типов “угнездившейся” интенциональности» (51, с. 314).

«Угнездившаяся» интенциональность означает нерасторжимую связь в человеке между телом и интенциональностью, между биологической природой человека и его социальной природой. Материальное и интенциональное вообще сплетены воедино. Категория интенциональности при всем своем фундаментальном значении для существования человека и общества не должна пониматься идеалистически. Соответственно, вся система онтологических категорий призвана воплощать и выражать «не-редуктивный материализм». Единая реальность при ее концептуализации в свете «не-редуктивного материализма» включает «природную материю» и «общественную материю», природу и общество.

Джон Сёрль (71), так же как и Ингвар Иохансон, ставит цель философского постижения реальности как единства и целостности. Он исходит из того, что поскольку мы живем в одном мире, то должны быть в состоянии точно объяснить, как различные части относятся друг к другу в когерентном целом. Опираясь на свои предыдущие работы, Дж. Сёрль стремится объяснить, каким образом функционируют ментальность, язык и социальная реальность и каким образом они образуют когерентное целое. Следует показать, что мы живем в одном мире, а не в двух или трех – физическом, ментальном и культурном.

Реальность состоит из физических частиц и силовых полей. Частицы обычно организуются в более крупные системы. На нашей планете некоторые системы представляют собой живые системы, являющиеся членами видов, которые возникли в долговременном эволюционном процессе. Некоторые из таких живых систем являются животными, а некоторые животные обладают нервными системами, способными порождать и поддерживать сознание. Обычно обладающие сознанием животные обладают и интенциональностью.

Вид, члены которого способны к обладанию сознанием и интенциональностью, может продвинуться к коллективной интенциональности. С приобретением коллективной интенциональности вид автоматически приобретает социальные факты и социальную реальность.

Сознание и интенциональность представляют собой существующие независимо от наблюдателя «реальные части реального мира». В то же время обладающие сознанием и интенциональностью живые существа приобретают способность создавать феномены, зависящие от наблюдателя. К числу подобных феноменов относятся функции. Многие виды обладают способностью наделять те или иные объекты теми или иными функциями. Однако только люди обладают способностью наделять какие-то объекты статусными функциями и тем самым обладают способностью создавать «институциональные факты».

Дж. Сёрль стремится к разработке «онтологии социального и институционального». Он проводит различие между «грубой» реальностью и «институциональной» реальностью, между «грубыми» фактами и «институциональными» фактами. Существование институциональной реальности связано с тремя факторами – коллективной интенциональностью, наделением чего-либо какой-то функцией и конституирующими правилами. Соответственно, факторами, выраженными этими понятиями, возможно, по мнению Дж. Сёрля, объяснить «всякую институциональную реальность».

Социальная и институциональная реальность является объективной реальностью только потому, что мы считаем ее таковой. Коллективное наделение статусными функциями правительств, денег, национальных государств, университетов и т.д., а главное, долгосрочное признание и принятие этих статусных функций за всеми этими институтами заставляет их казаться такими же прочными, как скалы.

Как только происходит отказ от коллективного принятия, институты могут претерпеть неожиданный и даже мгновенный коллапс. Пока же институты как социально созданные механизмы существуют, они обладают каузальной силой, что может служить самым общим объяснением социальной жизни.

Концепции И. Иохансона и Дж. Сёрля относятся к традиции аналитической философии. В этой традиции онтологическая проблематика разрабатывается преимущественно с натуралистских, физикалистских и материалистических позиций тех или иных форм и оттенков. С этих позиций фактически рассматривается и интересующий нас здесь вопрос о месте социальной реальности в единой реальности. Предполагается, что ответ на этот вопрос должен быть так или иначе связан с указанием на то, каким образом в рамках единой природной реальности возникает и оформляется социальная реальность. И. Иохансон и Дж. Сёрль решают, как мы стремились показать, эту задачу.

В перспективе философии социальных наук важно отметить, что в других философских традициях «онтология социального» чаще всего просто полагается, ее существование воспринимается как некая данность, существующая наряду с природной реальностью. Это происходит даже в тех случаях, когда социально-исторический мир понимается эволюционистским образом.

Рассматриваемые концепции стремятся решить по существу важнейшую философско-онтологическую задачу, имеющую принципиальное значение в перспективе методологии социально-научного познания. Речь идет о стремлении обосновать автономный статус социальной реальности в единой реальности. Эту задачу стремятся решить посредством разработки общей онтологической схематики.

Использование универсальной онтологической схематики означает на деле попытку обоснованной общей характеристики социальной реальности как объектной сферы социально-научного познания, а также означает попытку онтологической квалификации способности человека к социальной агентности.

Таким образом, мы имеем дело с фактической тематизацией и попыткой постижения двух фундаментальных предпосылок всякого социально-научного познания. Подчеркнем, что решение указанных задач вовсе не является чем-то тривиальным. Ведь эти предпосылки большей частью не становятся объектом экспликации и постижения в философской и дисциплинарной методологии социально-научного познания.

Экспликация таких фундаментальных предпосылок создает условия и для рассмотрения еще одного проблемного комплекса онтологии социальных наук – комплекса, связанного с проблемами фундаментального строения социальной реальности.

1.1.2. Как уже отмечалось, онтологическая проблематика в философии социальных наук предстает главным образом как проблематика фундаментального строения социальной реальности. А такое строение концептуализируется через полагание в качестве базисных структурных элементов институциональных структур и агентности человека, т.е. его способности к социальному действию, а также через определение отношений между такими базисными элементами. Анализ отношений между социальными структурами и социальной агентностью, индивидуальной и коллективной, осуществляемый на весьма абстрактном уровне, есть продолжение онтологического анализа социальной реальности.

При рассмотрении философско-онтологической проблематики отношений между базисными социальными структурами и социальной агентностью, индивидуальной и коллективной, мы видим свою задачу прежде всего в разработке типологии этих отношений, как они предстают в современной философии. Мы обратимся к этим отношениям и в главе, посвященной методологии социологического познания.

В связи с нашей задачей отметим следующий важный момент. В философии социальных наук преимущественное внимание уделяется агентности как способности человека к социальному действию, а также отношениям социального агента с другими основными компонентами социальной реальности (с этим, в числе прочего, было связано наше замечание об относительной малочисленности работ, специально посвященных изучению онтологического статуса социальной реальности в целом). Такое положение дел проистекает главным образом из предположения о том, что философия располагает значительными ресурсами для изучения антропологической реальности, в том числе и социальной агентности.

Охарактеризуем в общих чертах социального агента, каким он предстает в современной философской литературе. Социальный агент – это индивидуальный, телесно-эмоциональный и рефлектирующий индивид, действующий в исторически и социально конкретных, ограниченных и даже случайных жизненных и социальных условиях. Несмотря на осуществляемую им потенциально свободно организацию происходящего, он остается обусловлен-

ным происходящим. Человек способен созидать общество и историю, способен постоянно продуцировать новые формы своего существования. Эти же формы оказывают обратное формирующее воздействие на человека. Место и время исторического существования и действия определяют, каков тот или иной индивидуальный человек.

Итак, будем исходить из такой общей характеристики социального агента, находящегося в тех или иных отношениях с базисными социально-институциональными структурами. Такой образ социального агента должен стать ориентиром при разработке типологии отношений между социальным агентом и социально-институциональными структурами, которые он создает, воспроизводит или изменяет в целях жизнеобеспечения, а также, возможно, в целях реализации религиозных или культурно-смысловых полаганий.

В истории философии представлен весьма широкий спектр концептуализаций отношения социального агента с социально-историческими структурами. Полосами этого спектра можно считать утверждение о свободной конститутивно-созидательной функции по отношению к социально-историческим структурам, с одной стороны, и утверждение о полном подчинении им – с другой.

И в современной философии воспроизводятся основные позиции указанного спектра. Конечно, они представлены новыми концептуализациями.

При рассмотрении агентности агентность как способность просто поддерживать и воспроизводить институциональные структуры как основу социального порядка не находится в центре внимания. В конце концов, весь исторический опыт человечества так или иначе свидетельствует о такой способности. Обсуждаются в основном вопросы о способности или неспособности человека к свободному самоопределению в своем социальном действии и существовании. В таком своем качестве, в своей волевой и целеполагающей природе агентность противопоставляется социально-теоретическим позициям, утверждающим примат факторов, принципиальным образом ограничивающих или детерминирующих человеческое действие.

Таким образом, речь идет прежде всего о социальной агентности как способности человека создавать и изменять социальный порядок, в том числе базовые институциональные структуры. Индивид как субъект социального действия предстает как созидатель

социального порядка, а в философии истории – и как создатель истории.

Представленная позиция в методологическом плане характеризуется чаще всего как «методологический индивидуализм». Опора на постижение индивидуального агента выступает в качестве основополагающего средства теоретического постижения социальных реальностей. Намерения, мотивы, ценности, цели, когнитивные содержания предстают как важнейший фактор действия, а также результирующего социального порядка.

Такая теоретическая позиция может получать полноту и завершенность, если агентность человека понимается как потенциал человека конституировать свою социально-историческую жизнь *сознательно проектируемым и направляемым образом*. Агентность становится субъектностью в полном смысле, социальное действие приобретает характер сознательной социальной субъектности. Такая субъектность может получать коллективное проявление, становясь интерсубъективностью соответствующего порядка. Представленную здесь позицию можно считать последовательной субъектной формой социальной агентности.

В целом такая идея социального субъекта предполагает социальную зрелость индивидов; их свободную самореализацию, а также формирование разумных общественных отношений как предпосылки осуществления собственного права и воли человека, а также как продукта действующих зрелым образом людей.

Субъект как ответственный агент предстает как наделенный определенной устойчивой самопреемственностью, принимающий взвешенные и обдуманые решения. Эти решения должны быть ориентиром и целью действий, а сами действия в своей совокупности должны служить реализации определенного проекта, задающего смысл практической жизни. В идеале жизненный проект призван стать средством реализации определенной идеи. Речь идет об идее как организующем принципе, источнике энергии и мобилизации, ключе к интерпретации жизни и социальных отношений, видении мира, организации знания и жизненной практики. В общем, это руководство, позволяющее ориентироваться в реальности и формировать ее.

Отметим следующее. Такая концептуализация социальной агентности, такая социальная субъектность еще только должна получить реальное воплощение. Первым условием созидания желательной социальной реальности должно, прежде всего, стать оформление интерсубъективного процесса, в котором индивиду-

альная субъектная агентность будет постоянно трансформироваться в коллективную агентность, в коллективную инстанцию конституирования желательной социальной реальности. Далее, для того чтобы социальная реальность стала благом, годным к использованию, способствующим выживанию и благосостоянию социальным миром, требуются свершения, направленные на его практическое изменение – техническое и морально-политическое. Благой мир должен быть еще создан посредством субъектных, точнее интересубъективных, усилий всего общества. Так возникает представление об обществе, конституирующем и созидающем себя. А для реализации субъектно-интерсубъективного проекта лучшего, более человеческого общества требуется объемная социальная теория, способная указать объективные условия процессуального самопорождения общества.

В современной философии и социальной теории к такой «субъектной» модели социальной агентности наиболее близка социально-философская концепция Юргена Хабермаса. В соответствии с этой концепцией человеческий род как модерновое самоконституирующееся мировое общество рассматривает свои исторические предпосылки как материал, которым можно распоряжаться. Оно при этом зависимо только от внешней природы и определяется природой человеческих потребностей, «организмом трудящегося человека»¹. Социально-философская концепция Ю. Хабермаса уже становилась объектом нашего рассмотрения (10; 13; 14).

Итак, мы рассмотрели различные способы понимания и концептуализации социальной агентности. Они простираются от молчаливого, как бы самоочевидного признания способности человека поддерживать и воспроизводить существование базисных социальных институтов, социального порядка до признания полноценной социальной субъектности как потенциальной способности проектировать и созидать желательный благой социальный мир.

Все эти способы понимания и концептуализации социальной агентности базируются на традиционном понимании человеческого сознания, которое явно или неявно признается в качестве базисного условия возможности социальной агентности в ее различных видах.

В аналитической философии сознания в последние десятилетия заметное место занимает позиция, ориентированная на такую

¹ Habermas J. Erkenntnis und Interesse. – Fr. a. M., 1973. – S. 380.

редукцию ментальных состояний к физическим, которая предполагает фактическую элиминацию самой идеи ментальных состояний. Такая позиция представляет себя как теоретически обоснованную интерпретацию новейших научных данных, полученных в результате исследования мозговой деятельности человека.

С нашей точки зрения, рассмотрение подобных и элиминативистских воззрений представляет интерес потому, что эти воззрения нередко предстают и как определенные эксплицитно заявленные позиции в понимании природы и функций социальных наук. Суть этих позиций можно выразить таким образом, что радикальный принципиальный пересмотр воззрений на человеческое сознание неизбежно влечет пересмотр воззрений на природу человеческого поведения, соответственно, на характер социального действия. Все это должно привести и к пересмотру воззрений на принципы и цели социальных наук.

Французский исследователь Бернар Андрё в своей книге «Нейрофилософия»¹ (30), посвященной анализу соответствующего влиятельного в настоящее время сегмента англо-американской философии сознания, констатирует, что, как считают приверженцы этой разновидности философии сознания, нейронауки фактически ориентированы на то, чтобы полностью обновить модели, понятия и теории, созданные в период между 1850 и 1950 гг. социальными и гуманитарными науками.

Действительно, во Франции в последние годы, особенно после появления книги Ж.-П. Шанже «Нейронный человек», набрал силу процесс натурализации философских предметностей и в еще большей степени – тех предметов, которые традиционно изучались социальными и гуманитарными науками.

Б. Андрё представляет три аргумента, определяющих, по его мнению, американскую нейрофилософию, – элиминация, редукция, унификация. Фактически в них речь идет о трех видах рассмотрения отношений между философией и нейронауками, в ко-

¹ Неологизм «нейрофилософия» появился в качестве названия первой работы американского философа Патриции Смит Черчленд «Нейрофилософия. К объединенной науке, изучающей ментальность/мозг», опубликованной в 1986 г. Следует отметить, что «нейрофилософия» употребляется в различных значениях, не всегда совпадающих со значением, в котором нейрофилософия понимается П.С. Черчленд. Для П.С. Черчленд «нейрофилософия» – это объединенная унифицированная наука о ментальности/мозге. Данное обозначение прижилось и за пределами англоязычной философии, о чем свидетельствуют, в частности, целый ряд работ на французском языке, включая книгу самого Б. Андрё.

торых отрицается различие между ними. Элиминации должна подвергнуться сама идея существования ментальных состояний, должны быть редуцированы определенным образом традиционные философские предметы, и все науки следует унифицировать посредством нейронаук.

Элиминация происходит из «искушения» натурализовать традиционные понятия философии (а также понятия обыденной психологии), такие как «сознание», «интенциональность», «желание» и т.д. Элиминация ментальных состояний должна стать необходимым следствием нейронального анализа того, что продуцирует мозг. Решение такой задачи требует формирования нейрофилософии, которая была бы в состоянии переинтерпретировать в свете нейронаук те явления, которые традиционно приписываются ментальности. Подобная элиминация нацелена на то, чтобы лишить опоры всякую «менталистскую философию», поскольку признание существования ментальных состояний означало бы и признание наличия у философии своей особой сферы исследования.

Позиция самого Б. Андрё в данном вопросе заключается в том, что элиминацию следует понимать как определенную предлагаемую интерпретацию истории деятельности нейронаук, а не как действительный результат, полученный ими. Необходимо увязать ментальную деятельность с ее нейробиологическими условиями, но не сводить ее к этим условиям. Не следует ни элиминировать ментальные состояния, ни представлять их в свете какого-либо нейробиологического детерминизма. Ментальное состояние есть материальное состояние, произведенное мозгом, – так можно резюмировать воззрения Б. Андрё на данный вопрос.

Редукция призвана заменить тезисы обыденной и традиционной психологии теоретическими положениями, опирающимися на результаты нейронаук. Другими словами, речь идет об «интертеоретической редукции», ориентированной на определение нейробиологических условий сознания, перцепции, интенциональности. Б. Андрё считает, что следует проводить четкое различие между редукцией как методологическим средством в нейронауках и «идеологической редукцией». Последняя представляет собой неправомерное расширение сферы применения редукции как рабочего средства.

Общие выводы Б. Андрё таковы. Нейронаукам большей частью не удастся избежать приверженности определенной идеологии, противостоящей другим идеологиям, – натуралистской идеологии. Вместе с тем история нейронаук показывает, что далеко не

все ученые признают сведение человека к его мозгу и элиминацию социальных и гуманитарных наук. Присущий этой идеологии редуccionистский материализм не должен препятствовать философии развивать другой материализм – материализм, который после Дидро постигает человека как динамичное тело, чувствующее, воспринимающее мир.

Не будучи ни полностью нейронаучной, ни полностью философской, нейрофилософия должна стремиться быть и тем и другим, соединяя точные науки и гуманитарные и социальные науки. Эта мечта о единой науке (пусть и иллюзия) должна направлять наш анализ живой материи.

Мы обратились к книге Б. Андрё ввиду того, что он четко представил проблемную ситуацию, очень важную с точки зрения нашей работы. Справедливо заслуживает внимания и его собственная позиция.

Отметим, что «нейрофилософия» могла бы стать определенной полноценной теоретической позицией, исследовательской программой в сфере философии социальных наук только при условии наличия теории общества. Такая теория общества должна была бы с позиций нейрофилософии предложить какие-то ответы на вопросы о том, как в недрах природного бытия возникают социальные формы человеческого существования, если ментальность человека понимается так, как это делает нейрофилософия. Как объяснить неслыханное разнообразие и изменчивость этих форм, их взаимодействие? Это лишь основные вопросы, на которые «нейрофилософская теория общества» должна была бы в силу своей специфики дать какие-то ответы, если есть стремление осуществить радикальный пересмотр предметных сфер социальных и гуманитарных наук.

Пока такой теории не предложено, по крайней мере в более или менее развернутой форме, нет оснований признавать правомерность притязаний нейрофилософии на пересмотр традиционного понимания природы и функций социальных наук. А такое понимание базируется на идее социальной агентности как сознательном действии. Многообразие форм традиционного понимания природы и функций социальных наук связано с различиями в понимании характера сознательности действия, отношений между действием и институтами, между агентностью и структурами. Однако, как мы уже отмечали, все это многообразие безусловно предполагает сознательность, понимаемую, если говорить языком

аналитической философии сознания, менталистским и вообще традиционным образом.

С точки зрения нашей работы можно выделить две основные позиции. Первая состоит в том, чтобы тематизировать связь сознания и социальной реальности как нередуцируемые компоненты единой реальности, включающей и природный компонент. Такой подход в его различных вариантах имеет первостепенное метатеоретическое значение, поскольку позволяет социальным и гуманитарным наукам придерживаться ориентации на исследование социального поведения и действия людей. Со стремлением решить подобную задачу в эксплицитно онтологической перспективе мы встречались при рассмотрении концепций И. Иохансона, Дж. Серля.

Другая позиция, по существу прямо противоположная первой, – позиция, ориентированная на полную редукцию ментальных состояний к физическим, на фактическую элиминацию ментальных состояний.

Обе выделенные нами позиции обладают очевидными эксплицитными и имплицитными последствиями для философии социальных наук, соответственно последствиями и для дисциплинарного социально-научного познания. Укажем, прежде всего, на то, что в первом случае фактически признается принципиальная возможность социальной агентности в различных смыслах, а во втором случае такая возможность вызывает радикальные сомнения.

Всякое общее определение отношений между социальными структурами и агентностью означает теоретический выбор принципиальной важности. Этот выбор имеет и основополагающее методологическое значение, поскольку задает магистральную ориентацию социально-научных исследований, ранжирует исследовательские задачи и т.п., одним словом – определяет и методологическую стратегию социально-научного познания в его конкретике.

1.2. Вопрос метода в философии социальных наук

Философия социальных наук выступает не только в форме «онтологии социальных наук», о различных вариантах которой шла речь выше. Свою метатеоретическую функцию философия социальных наук традиционно выполняет и более непосредственным способом – а именно как философское размышление общего плана о наиболее адекватном методе теоретического познания социального мира.

Связь между онтологией социальных наук и «рассуждением о методе» проявляется в силу всегда наличной принципиальной корреляции между исследуемым объектом и исследовательской стратегией, которая реализуется в том числе и в используемом методическом оснащении. Соответственно, онтологически постулируемый общий характер социальной реальности задает некоторую общую рамку метатеоретических и методологических построений. К примеру, если социальная реальность представляет собой когерентную или тем более систематическую целостность, то и теоретическое постижение этой реальности будет носить скорее всего холистский характер, с использованием, в частности, дедуктивных объяснительных методов. Если же социальная реальность конституируется, причем, как иногда полагается, относительно свободным образом, то ее постижение будет носить индивидуалистский и индивидуалистско-групповой характер, появляются те или иные формы методологического индивидуализма.

Мы представили корреляцию между онтологией и методом в философии социальных наук в предельно схематизированном виде. В реальной исследовательской практике отношения между эксплицитными или имплицитными онтологическими полаганиями, с одной стороны, и собственно методико-исследовательскими процедурами, с другой стороны, носят гораздо более дифференцированный и сложный характер.

Такая сложность исследовательской практики находит отражение и в том, каким образом философские размышления получают конкретизацию в дисциплинарных методологических разработках. Так, подход к объяснению, известный как модель покрывающего закона (а правило его применения известно как гипотетико-дедуктивный метод), стал объектом интенсивной разработки и осмысления как часть методологии исторического познания.

И сегодня всякое рассмотрение вопроса об адекватном общем методе социально-научного познания соотносится с позицией М. Вебера. Не имея возможности рассмотреть детально различные подходы к этому вопросу, ограничимся попыткой указать на некое общее, можно сказать, устоявшееся понимание методологической позиции М. Вебера.

М. Вебер стремился сочетать в социальных науках герменевтическое постижение осмысленного действия (действия, наделенного смыслом) с каузальным анализом. В основе его «понижающей социологии» лежит убеждение в том, что феномены

человеческого поведения по своей сущности отличаются от феноменов мертвой природы, поскольку им присуще смысловое измерение. Вебер стремится показать, что то, что становится известным в процессе «актуального понимания», может быть познано посредством каузально-генетической реконструкции «объясняющего понимания». (Это к вопросу о ложности мнения о том, что то, что может быть понято, не может также быть объяснено.) По М. Веберу, социальное действие как подлинный объект социологии – это такое действие, которое в своем смысле соотносится действующим с поведением *других* и таким образом ориентируется.

Философское обсуждение методологии постижения социального мира традиционно сосредоточивается вокруг вопросов о том, должны ли феномены социального мира объясняться по образу действия естественных наук или их следует понимать каким-то особым способом, специфическим для познания социальной жизни. Традиционно обсуждался вопрос о существовании единого универсального метода для естественных и социальных наук. Этот вопрос был известен как вопрос о «методологическом монизме».

Американский философ и социальный ученый Мартин Холлис (49; 50) предпринимает попытку резюмировать долговременные дебаты относительно объяснения и понимания. Для нас ценно прежде всего то обстоятельство, что такая попытка осуществляется в перспективе философии социальных наук, а не только в рамках той или иной дисциплинарной методологии. Кроме того, М. Холлис стремится представить проблемную ситуацию в максимально возможно объективной манере. В этом он видит свою задачу, а не в том, чтобы аргументировать в пользу какой-то одной из обсуждаемых позиций.

М. Холлис выделяет, прежде всего, «четыре ключа к анализу социального действия» – «системы»; «культуры» (холизм); «рациональные выборы»; «субъективные смыслы» (индивидуализм). Кроме того, «системы» и «рациональные действия» группируются как факторы «объяснения», а «культуры» и «субъективные смыслы» – как факторы «понимания».

Можно начать с «систем» и, соответственно, считать, что действия являются в полной мере ответом на изменения в окружающей среде. Для каждого отдельного актора среда включает других акторов. Для всех коллективно среда – это внешняя структура: «общество» или, возможно, «природа». М. Холлис справедливо, на наш взгляд, подчеркивает, что для того чтобы подобный

подход представлялся убедительным, нужна поддержка со стороны мощной функционалистской или эволюционной теории.

Холистский, более системный подход, действительно, добавим, зачастую сопрягается с функциональным объяснением. Социальные системы обладают различными условиями равновесия. Когда такие условия не соблюдаются, то система либо стремится исправить нарушение, либо движется к новому равновесию. Поведение частей системы можно объяснить, таким образом, через функциональные требования, вытекающие из свойств системы как целого.

Функционалистское мышление уже не столь распространено, как это было вплоть до 1960-х годов. Оно присутствует латентным образом, как, например, в неоклассической экономике – наиболее индивидуалистской из социальных наук. Это пример объяснительного реализма, имеющего как психологические, так и социальные компоненты, а также функционалистские аспекты.

Далее М. Холлис обращается к вопросу о том, можно ли конструировать объяснительный индивидуализм посредством такой позиции, как «рациональные выборы». В этом вопросе нет ясности. С одной стороны, теория рационального выбора, расширенная с помощью теории игр, стремится проанализировать коллективные феномены через их индивидуальные компоненты. Социальные конвенции и, соответственно, устойчивые социальные институты можно представить как суммы и результаты индивидуальных выборов. С другой стороны, участвующие «индивиды» предстают как автоматические трансляторы данных предпочтений в ожидаемые полезности – так же как различные данные вводятся в компьютерную программу. Что устанавливает предпочтения, то диктует выборы.

Рассмотрев «системы» и «рациональные выборы» в качестве факторов объяснения, М. Холлис представляет модель «стандартного объяснения» и те возражения, которые она вызвала.

При стандартном объяснении формулируются гипотезы или теории, выводятся их импликации и тестируются опытом. Если наблюдение подтверждает теорию, то не требуется уже более действий. Если же этого не происходит, то теорию следует поправить или заменить. Обычно не считают, что каузальные законы представляют собой что-то большее, чем такой фильтрующий процесс. Речь идет только о степенях вероятности.

Такая идея объяснения кажется простой и элегантной, констатирует М. Холлис, особенно если придерживаться эмпирист-

ских позиций и считать, что только опыт в состоянии оправдать притязания на знание о мире.

В соответствии с «постэмпиристской позицией» предложенная модель объяснения слишком схематична. Мы нуждаемся в более компактной и лучше организованной сети корреляций, которую эмпиризм не в состоянии предложить. Эмпиризм прав в том плане, что судьба объяснений зависит только от испытания опытом. Однако опыт никогда не бывает однозначным, и его суждения также не бывают недвусмысленными. Всегда предполагается применение понятий. Нет фактов, нейтральных по отношению ко всем интерпретациям, и при объяснении чего-либо мы осуществляем *выбор* между теориями.

У такого подхода два основных источника. Одним из них является идея К. Поппера о науке как «предположениях и опровержениях». К. Поппер считает, что наблюдение не бывает свободным от теории и не в состоянии установить или даже подтвердить истину гипотезы или предположения. Однако оно в состоянии в принципе опровергнуть действительно эмпирические случаи (в противоположность марксизму и психоанализу). Прогресс возможен, поскольку опровержение представляет собой момент объективной истины, даже если подтверждение таковым не является.

Подход К. Поппера не представляется достаточно радикальным с другой точки зрения – *прагматизма*, особенно у У. Куайна. Здесь не признается наличие моментов неприкрашенной истины, независимой от всяких сетей интерпретации. Опровержения имеют решающее значение, только если мы выбираем считать их обладающими таким значением. Объяснение приобретает холистский характер.

Давняя идея о том, что структуры и силы внешни по отношению к исследующему разуму, остается необходимой предпосылкой науки. Если задается вопрос о том, откуда мы знаем о существовании таких структур и сил, то ответ заключается в том, что наука может и должна продвигаться посредством вывода к лучшему объяснению.

Вопрос о том, является ли наилучшее объяснение психологическим или социальным (или и тем и другим), ставит еще один вопрос – об индивидуализме и холизме. Индивидуалистская позиция традиционно увязывалась, как это было у Гоббса, Юма и Милля, с сознательными или бессознательными мотивами, присутствующими человеческой природе, а также с объяснениями того, как эти

мотивы способны порождать социальные организации посредством взаимодействия индивидов.

Если мотивы считаются сознательными, то открывается возможность для рациональных реконструкций действий. Вместе с тем открывается возможность и для интерпретативного подхода, а соответственно – и для понимания. Однако всякое «внутреннее повествование» в конечном счете подчиняется натуралистскому канону каузального объяснения, отмечает М. Холлис.

При объяснении поведения индивида следует попытаться изучить, как этот индивид видит свою ситуацию. Объяснение должно начаться – и, возможно, закончиться – с понимания ситуации изнутри. Это подводит М. Холлиса к рассмотрению идеи понимания.

Когда индивид совершает какое-либо действие, это действие обладает значением в нескольких планах. Во-первых, можно задать вопросы о его намерениях, целях, причинах и мотивах, а также о том, какое отношение к своему действию индивид ожидает от других людей. Это вопросы о «субъективном значении». Во-вторых, можно спросить о том, что означает действие само по себе, – какое действие совершается с публичной точки зрения. Это связано с «интерсубъективным значением». В-третьих, о действии можно спросить, рассматривая его в более широком контексте или как знак какого-то лежащего в его основе процесса. Это можно назвать «объективными значениями». (Если действие рассматривается в терминах, далеких от собственных терминов акторов, то следует подумать о том, а не идет ли речь о каузальных объяснениях.)

В философском плане для того, чтобы выдвинуть значение в центр внимания, следует поставить проблему других сознаний. Как какой-нибудь человек или группа людей знают о том, что на уме у другого? Это также одна из проблем познания, однако в данном случае она отличается от других проблем тем, что речь идет о «двойной герменевтике». Всякому нашему знанию о мире присуща какая-то единая герменевтика, поскольку факты не предстают просто сами по себе, знание о них предполагает интерпретацию.

Когда же мы интерпретируем поведение как действие, мы осуществляем двойную интерпретацию: один раз – когда устанавливаем поведение как действие, а другой – когда приписываем значение этому поведению как действию. Для того чтобы знать, что у других на уме, мы должны быть в состоянии осуществить такую двойную герменевтику.

В традиционном виде проблема заключается в том, что каждый из нас обладает знанием о себе самом, каковое знание отсутствует в нашем знании о других. Мы понимаем их мысли, эмоции и желания, значение их слов и действий посредством выводов с опорой на их поведение. Такие выводы пересекают разделительную черту между физическим и ментальным, между внешними и внутренними аспектами личности. Но у нас нет гарантии правильности нашего знания. Каким же образом мы можем перейти от единой герменевтики к двойной? Поставив этот очень продуктивный, на наш взгляд, методологический вопрос, М. Холлис не предлагает на него ответа.

Вероятно, не существует какого-то одного-единственного объяснительного ключа. Люди осуществляют свою собственную историю в обстоятельствах, которые отчасти являются результатом их выбора, причем делают это тем в большей степени, чем в большей мере знают, как это делать. В таком знании смешиваются объяснение и понимание. Философы и социальные ученые не могут четко определить способы такого смешения. Ни один из этих ключей не способен быть главным, подчеркивает М. Холлис.

В связи с этим целесообразно, по его мнению, ограничиться указанием на вопросы, касающиеся границ между объяснительными и интерпретативными факторами («ключами» к анализу социального действия). Являются ли те причины, которые подсказывают исполнителям ролей причины их действия, причинами на манер естественных причин? Можно ли считать участников игр социальной жизни одновременно и следующими правилам, и осуществляющими какой-то выбор? Наделяя значением социальные факты, нуждаемся ли мы в понятиях, предшествующих индивидуальной психологии, а также чуждых понятиям естественных наук? Какой формой детерминизма следует руководствоваться социальным наукам при изучении мира, обитатели которого притязают на то, чтобы быть творцами? Короче, насколько особенными являются интеллектуальные и моральные способности людей?

М. Холлис представил наиболее известные позиции в вопросе об адекватном общем методе социально-научного познания, соответственно, рассмотрел «объяснение» и «понимание» и сами по себе, и в соотношении друг с другом. Как и можно было ожидать, он не приходит к каким-то однозначным выводам. Вообще обрести однозначность в данном вопросе вряд ли удастся, о чем свидетельствует соответствующая дискуссия, продолжающаяся уже не одно десятилетие.

Дискуссия продолжается, вопрос, по меньшей мере в некоторых принципиально важных моментах, остается открытым. В связи с этим значительным достоинством работы М. Холлиса нам представляется тематизация повестки дня для дальнейшего обсуждения.

Глава 2

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Данная глава посвящена методологии социологического знания.

Современная социология представляет собой многообразно дифференцированный комплекс академических дисциплин. В теоретическом плане социология – это мультипарадигмальное образование, правомерно говорить и о наличии нескольких соперничающих традиций. Все это означает, разумеется, многообразие методического оснащения, а также, соответственно, многообразие методологических проблем.

Выбор методологических проблем для рассмотрения определялся общим подходом, общей ориентацией данной работы. Объектом рассмотрения становятся предельно общие проблемы, образующие своего рода теоретико-методологический каркас социологического познания. Вне сферы внимания остаются методы конкретных эмпирических исследований, техник наблюдения и измерения, способы тестирования и т.п. Значительное разнообразие таких методов определяется, как известно, не только разнообразием исследуемых объектов, но и приверженностью различным теоретическим парадигмам и традициям. А такие парадигмы и традиции в той или иной форме присутствуют в конкретных исследованиях, даже если заявляется об их отсутствии или об отказе от них. Таким образом, общие методологические проблемы имеют отношение не только к теоретическому, в узком смысле, но и к конкретно-эмпирическому, социологическому познанию, по меньшей мере в опосредованной форме.

К числу наиболее общих методологических проблем социологического познания можно отнести следующие. Это комплекс таких проблем, связанный со стремлением к предельному общему определению предметной сферы социологического познания. Дру-

гой комплекс образуют традиционные для социологии проблемы отношений между агентностью и структурами.

Наряду с указанными сквозными темами методологии социально-научного познания в их социологической специфике будет рассматриваться проблемный комплекс, связанный с анализом структуры, функций и идеологических импликаций социологической теории как готового продукта теоретико-исследовательской деятельности.

В вышесказанном содержится и указание на структуру этой главы. Для рассмотрения выбраны работы, отражающие наиболее влиятельные позиции. Выбор определялся и тем, что каждая из таких позиций резюмирует или критически соотносится с целым рядом других воззрений в соответствующей области социологической теории и методологии.

2.1. Онтологические аспекты методологии социологического познания

«Под онтологическими аспектами методологии социологического познания» в данной работе понимается, как уже говорилось, разработка комплекса вопросов, связанных с предельно общим определением предметной сферы социологического познания. Конкретно речь идет о методологическом содержании определенного рода теорий общества, а именно тех, которые притязают на универсализм в смысле применимости к любым исторически существовавшим обществам. К таким теориям относятся и теории социального эволюционизма. Здесь объектные исследования теоретической социологии несут имплицитную методологическую нагрузку, поскольку в состоянии стать определением предметной сферы для различных социологических дисциплин теоретического и эмпирического порядка. Кроме того, построения общего характера в этих теориях содержат, как правило, и конкретные методологические рассуждения.

Мы выбрали для рассмотрения две теории общества с универсалистскими притязаниями, в которых решаются основные методологические задачи: во-первых, осуществляется предельно широкая тематизация предметной сферы социологии; во-вторых, предлагаемые теоретические построения содержат и непосредственные методологические рассуждения.

Британский социолог Майкл Манн предпринимает попытку представить свое целостное видение «общества» и соотнести

это видение с «теоретико-социологической ортодоксией» (52). М. Манн заявляет о том, что намеревается руководствоваться «особым общим подходом к рассмотрению человеческих обществ, расходящимся с теми моделями общества, которые господствуют в социологии и в историографии» (52, с. 1).

В рамках экспозиции этого видения особый интерес для нас представляет рассмотрение вопроса о том, возможно ли наделение какого-то «источника власти» первичностью по отношению к другим источникам власти. Наделение какой-то «функциональной подсистемы общества», какого-то «измерения», «источника власти» и т.п. статусом первичности, тем более в плане определяющего, детерминирующего воздействия, или отрицание наличия чего-либо с таким статусом, несомненно, обладает первостепенным методологическим значением.

Подход М. Манна можно, по его собственным словам, резюмировать в двух утверждениях. Первое утверждение гласит: «Общества конституируются множеством накладывающихся друг на друга и пересекающихся социопрограммных сетей власти» (52, с. 1). Смысл данного утверждения раскрывается прежде всего через указание на то, чем общества не являются. Общества не являются чем-то унитарным. Общества не представляют собой социальные системы (закрытые или открытые). Невозможно найти какое-либо общество, полностью ограниченное в географическом или социальном пространстве. Поскольку нет системы, нет тотальности, то не может быть «подсистем», «измерений» или «уровней» у такой тотальности. Так как нет целого, то социальные отношения нельзя свести «в конечном счете» к какому-то системному свойству этого целого – будь то «способ материального производства», «культурная» или «нормативная система». В силу того что нет ограниченной тотальности, нет смысла делить изменения или конфликты на «эндогенные» и «экзогенные». Не существует социальной системы, и потому нет внутренне присущего ей «эволюционного» процесса. Человечество не подразделяется на ограниченные тотальные образования, вследствие чего не существует «диффузии» форм социальной организации между подобными образованиями. Несуществующая тотальность не может быть социальной структурой, которая «как целое» ограничивает социальное действие. И вообще бесполезно разделение на «социальное действие» и «социальную структуру».

Второе утверждение вытекает из первого. Самым лучшим общим объяснением обществ, их структуры и истории будет объяс-

нение в терминах взаимоотношений «четырех источников социальной власти – идеологических, экономических, военных и политических отношений». Эти отношения представляют собой: 1) накладывающиеся друг на друга сети социальной интеракции, а не измерения, уровни или факторы какой-то единой социальной тотальности; 2) организации, институциональные средства достижения определенных человеческих целей.

Как считает М. Манн, в самом общем виде власть – это способность преследовать и достигать те или иные цели посредством овладения окружающей средой. Социальная власть обладает еще двумя специфическими характеристиками. Во-первых, она представляет собой осуществление господства одних людей над другими людьми. Речь идет о «распределительном» аспекте власти, способности одних навязать свою волю другим. Во-вторых, социальная власть может быть «коллективной». Коллективный аспект социальной власти заключается в кооперативном объединенном усилении мощи одних людей для господства над какими-то другими людьми или господства над природой. В большинстве социальных отношений одновременно действуют и переплетаются оба аспекта власти – «распределительный и коллективный, эксплуататорский и функциональный». Отношение между двумя этими аспектами социальной власти носит диалектический характер. Преследуя свои цели, люди вступают в отношения кооперативной коллективной власти. При реализации коллективных целей возникают социальная организация и разделение труда. Они несут в себе тенденцию к распределительной власти, что вытекает из функций надзора и координации. Те, кто занимает позиции наверху, в состоянии осуществлять контроль при условии, что функции контроля институционализированы в законах и нормах соответствующей социальной группы.

Власть выступает и в других формах. «Экстенсивная власть» означает способность организовывать большие группы людей, проживающих на обширных территориях, с целью обеспечить по крайней мере минимально стабильную кооперацию. «Интенсивная власть» – это способность обеспечить плотную организацию какой-либо группы людей и добиться от них высокого уровня мобилизованности и вовлеченности. Первичные структуры общества сочетают в себе, как правило, и экстенсивную, и интенсивную власть, соответственно обеспечивают и экстенсивную, и интенсивную кооперацию для достижения тех или иных человеческих целей. «Авторитарная власть» предполагает отдачу определенных команд

одними и осознанное подчинение других этим командам. «Диффузная власть» носит более спонтанный, бессознательный, децентрализованный характер. Она предполагает не команды и подчинение им, а спонтанное представление о том, что определенные виды социальной практики являются чем-то естественным, соответствующим морали и общему очевидному интересу. Примером могут служить представления, ведущие к оформлению солидарности какого-либо класса или нации.

Экстенсивная и интенсивная власть, с одной стороны, и авторитарная и диффузная власть – с другой, в своей совокупности дают четыре идеал-типические формы организационных возможностей, которые могут выступать в различных сочетаниях.

Четыре источника социальной власти, продолжает М. Манн, связаны с различными организационными средствами осуществления социального контроля. В разные времена и в разных обстоятельствах тот или иной источник превосходил другие по своим организационным возможностям, и форма организации этого источника социальной власти определяла форму соответствующего общества в целом.

В то же время многие «сети практик», интеракционные сети располагаются как бы в промежутках основных четырех источников социальной власти и не вписываются полностью в наличные «господствующие конфигурации» социальной жизни. Кроме того, в эти господствующие конфигурации не полностью интегрированы в институциональном отношении и некоторые, причем весьма важные моменты и указанных четырех источников. «Эти два ресурса интеракции в промежутках и ведут в конечном счете к появлению эмерджентной властной сети, центрирующейся на одном или на более чем четырех основных источниках социальной власти, а также приводят к реорганизации социальной жизни и новой господствующей ее конфигурации. Таким образом продолжается исторический процесс» (52, с. 30).

Продолжая сопоставлять свой теоретический подход с социологической ортодоксией, М. Манн отмечает, что ортодоксальные воззрения предполагают абстрактное, почти геометрическое рассмотрение общества как унитарного образования. Уровни или измерения выступают как составные элементы какого-то большего целого. Многие даже дают диаграммное изображение общества. Общество предстает как большая коробка или окружность N-мерного пространства, разделенного на меньшие коробки, секторы, уровни, векторы, измерения.

В соответствии с подобной позицией каждое измерение/уровень можно разложить далее на какое-то число «факторов». В связи с этим развернулась дискуссия между сторонниками «многофакторного» и «однофакторного» подходов. Первые стремятся обосновать, что идейные, культурные, идеологические, символические факторы являются автономными и несводимы к материальным или экономическим факторам. Однофакторный подход отстаивают марксисты.

При этом стороны разделяют посылку, заключающуюся в представлении о «факторах» как о компонентах функциональных, организационных измерений, или уровней, которые являются независимыми подсистемами какого-то всеохватного социального целого. А это, в свою очередь, связано с использованием общего основного понятия – «общество». В общем термин «общество» чаще всего применяется для обозначения всякой стабильной человеческой группы, и в этом плане не отличается от таких выражений, как «социальная группа» или «ассоциация». Сам М. Манн также намеревается использовать термин «общество» в таком значении. Однако в более строгом или более амбициозном смысле «общество» применяется к стабильной социальной группе, понимаемой как унитарная социальная система. В таком смысле использовали этот термин О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, антропологи-классики. Только М. Вебер относился настороженно к такому подходу, и лишь Т. Парсонс вступил с ним в открытый спор. Определение Парсонса: «Общество – это определенный тип социальной системы во всяком универсуме социальных систем, который достигает наивысшей степени самодостаточности как система по отношению к своей среде» – приемлется М. Манном, но при этом отвергается чрезмерное употребление слова «система». В итоге он предлагает свое определение: «Общество – это сеть социальной интеракции, на границах которой существует определенного уровня интеракционный зазор между нею и ее средой» (52, с. 13). Общество представляет собой известное единство со своими пределами, оно воплощает относительно плотную и стабильную интеграцию. Это означает, что такая интеракция является внутренне структурированной, если сопоставлять ее с какой-либо интеракцией, пересекающей ее пределы.

В основе системной, или унитарной, концепции общества лежит теоретическая посылка о том, что люди как социальные животные нуждаются в обществе как ограниченной и структурированной социальной тотальности. Это неверно. Люди нуждаются в соци-

альных властных отношениях, но не нуждаются в социальных тотальностях, подчеркивает М. Манн.

Оценивая концепцию М. Манна в перспективе методологической проблематики, можно констатировать, прежде всего, что им предложено предельно общее определение предметной сферы социологии, предметной сферы исторической социологии (о которой пойдет речь в следующей главе) в том числе. Причем это определение фактически проверено и обосновано на обширнейшем материале.

Кроме того, следует указать и на значительное количество конкретных методологических рассуждений и замечаний, включенных в ткань исследования очень обширного, как только что отмечалось, социально-исторического материала.

Осуществленное М. Манном исследование предьстории человечества, перехода к цивилизации, истории ранних цивилизаций, исторического пути западной цивилизации представляет собой один из крупнейших исследовательских проектов в области исторической социологии, современной социологической теории вообще.

Значимым методологическим содержанием концепции М. Манна следует считать и критическое размежевание с системной, или унитарной, концепцией общества, которую он квалифицирует как «социологическую ортодоксию».

В качестве еще одного образца такого же как у М. Манна вида теории общества мы рассмотрим концепцию известного итальянского социолога Франко Ферраротти (43). Как и в случае с концепцией М. Манна, концепция Ф. Ферраротти фактически и решает задачу общего определения предметной сферы социально-научного познания, и содержит методологические указания относительно исследования каких-то конкретных структур и обстоятельств.

О тесной связи объектной концептуализации и методологических рассуждений свидетельствует уже исходный момент теоретического построения Ф. Ферраротти.

Факты, какими бы суровыми и реальными они ни были, факты, взятые сами по себе, не имеют большого значения. «Не факты, а отношение между фактами, – подчеркивает Ф. Ферраротти, – вот что важно для анализа» (43, с. 7). Социологическая истина не дана простым следованием фактам, требуется изучение связи, которая держит их вместе, – связи, которая объединяет факты и заставляет их участвовать в устройстве, структуре социальных смыслов. Социологическая истина дается способностью постигать эту связь. Постигание осуществляется не посредством «каузального вменения»

(это дело славы, но и бремени историков), а осуществляется изменчивым и разнообразным приспособлением к «генетической матрице условий». Такая матрица условий подтверждает проблематическую природу и фундаментальную неопределенность социального в его становлении. Это означает, по мнению Ф. Ферраротти, что социология не есть социография. «Другими словами, социология не есть наука об обществе. Социология – это наука о взаимосвязи социального» (43, с. 8).

Общество не существует как овеществленная сущность. Оно представляет собой произвольную интеллектуальную конструкцию. Единственное законное значение термина «общество» – это значение, указывающее на результирующую взаимодействия между акторами и социальными обстоятельствами.

Если мы тем не менее сохраняем унаследованный от традиции термин «общество», то можем употреблять его в двояком смысле. С одной стороны, его можно использовать применительно к эмпирически определенным обществам, указанным на географической карте, – «немецкое общество», «итальянское общество» и т.п. С другой стороны, термин «общество» невыраженным образом содержит нечто большее, чем эмпирическое определение. Об этом свидетельствует уже этимологический корень этого термина. «Общество» предстает как пограничное понятие, как идеальное сообщество участников, соответственно как «место равенства», где утверждается общая человечность людей.

Все это должно служить отправным пунктом «имманентной критичности» социологического исследования. Ф. Ферраротти приходит к выводу о том, что общество представляет собой всего лишь подвижную, текучую, «магмаобразную» совокупность людей.

То, что мы называем обществом, есть не что иное, как «долгое повествование»: ничего застывшего или предопределенного; ничего недиалектического и механически предвидимого; поток, только магматический и неустанный поток, который ставит под вопрос всякую систематическую конструкцию, притязающую знать что-либо до того, как это нечто произошло и было пережито; полиморфный и полисемический поток, поток множественный и многомерный. Перед нами история, в которой человек всегда находится в ситуации. Это история в проблематичном смысле.

Но если общество представляет собой абстракцию, то единственная реальность, с которой мы сталкиваемся, – это индивиды. Вместе с тем это не означает правомерность методологического индивидуализма. Его приверженцы не достигают «критического

плана» в своих социологических рассуждениях. Эти рассуждения – «абсолютная пустота». Причина очень проста: проблемы индивида – это не «индивидуальный вопрос».

Социология в условиях кризиса глобальных идеологий должна была разъяснить, что социальное не должно запереться в тесные индивидуалистические рамки. Ведь сам процесс индивидуации – это в высшей степени социальный процесс, предполагающий интериндивидуальную интеракцию. Признавая фундаментальную ценность индивида, следует помнить о том, что анализ индивида и его существования необходимо включает анализ метаиндивидуальных структур.

Человек как «недостаточное существо» для выживания нуждается в «социальной совокупности». В каждый момент он должен выбирать, причем не в абсолютном смысле, а в данной и живой ситуации. Он должен совершать поступки в определенном горизонте, определяемом потребностями – исторически изменчивыми и в то же время идентифицируемыми в своей глубинной сути: это потребности в сохранении; выживании; в культуре как памяти идентичности; порядке и законных ожиданиях; символах и ценностях.

При таком подходе естественно, что Ф. Ферраротти не проводит различий между типами и формами обществ. Он фактически апеллирует к социальной реальности как таковой, он апеллирует к истории. И действительно, как утверждает Ф. Ферраротти, история не имеет сценария, не следует образцу. История – это не «естественная система», циклическая, биологически предопределенная. Скорее это реальность, находящаяся в постоянном и историческом становлении, с непрерывным изменением потребностей и ценностей. В позитивном смысле это динамический и магматический комплекс, характеризующийся тем, что называется институтами. Институты представляют собой «кристаллизации повторяющихся установок и способов поведения, призванных наделить смыслом и ослабить страдания индивидов» (43, с. 13). Они эволюционируют с различной скоростью и в различных ритмах, с конфликтами, и тем не менее подчиняются требованию фундаментального соответствия сторон.

Подобное понимание социально-исторической реальности содержит отношение к конкретным реалиям. А поскольку Ф. Ферраротти рассуждает о социологической теории, то речь идет о традиционной методологической проблеме социологического познания – определении отношения между социологической тео-

рией и эмпирическими исследованиями. Социологическая теория не может быть сведена к чистому созерцанию, она не должна противостоять эмпирическому исследованию, считает Ф. Ферраротти.

Ф. Ферраротти заявляет о том, что всегда мечтал о соединении техник американских эмпирических исследований с великой традицией систематики европейской социальной мысли. Это великая мечта, которая принесла и великое разочарование. В техниках эмпирических исследований уже присутствует такая философия, которая превозносит практицистский момент и тяготеет к исключению теории. У значительно преобладающего сегодня социологического квантитавизма есть свои пределы. А жизнь научила Ф. Ферраротти тому, что «не все познаваемое измеряемо».

Ф. Ферраротти обращается и к значимой методологической проблематике, связанной с осмыслением роли исследователя. Он констатирует, что нередко исследователь стремится предвосхитить результат, а то и найти подтверждение своим предрассудкам. Такой исследователь проецирует свои убеждения, свои предпочтения и выражает все это в формулировках, которые звучат научно, но являются, по сути, незаконными. Он приватизирует науку, которая представляет собой публичную процедуру.

Следует помнить, однако, что великое призвание социологии как науки проистекает из определенного гибрида. Она связана с каким-то изначальным философским импульсом или частным проблематичным сознанием и в то же время стремится представить и утвердить себя как внесубъективные стандартизованные утверждения, т.е. как научная публичная процедура, имеющая intersубъективную обязательность. Одним словом, речь должна идти о социологии как концептуально ориентированной науке, заключает Ф. Ферраротти.

Методологическое содержание универсалистских теорий общества М. Манна и Ф. Ферраротти видится прежде всего в том, что эти теории способны служить общим методологическим ориентиром при изучении любой масштабной социально-исторической ситуации.

Как мы видим, для концепций М. Манна и Ф. Ферраротти характерно стремление отойти от некоторых канонов того, что квалифицируется ими как социологическая ортодоксия. Если рассмотреть схемы М. Манна и Ф. Ферраротти вместе, то становится очевидным их стремление отказаться от концептуализации общества в терминах какого-то системного единства с четко выделяе-

мыми структурными компонентами и указанием на порядок их взаимодействия.

Все это содержит определенные методологические последствия. Прежде всего из такого «образа общества» не может следовать однозначное указание на характер метода или методов, которые надлежит использовать в целях познания социальной реальности как целостности – будь то в диахронном, будь то в синхронном измерении.

Наряду с разработкой теории общества наиболее масштабными попытками охарактеризовать предметную сферу социологического познания как такового в его совокупности можно считать теории социальной эволюции. Здесь целесообразно ввести различие между такими теориями, в которых предлагается какая-то концепция социальной эволюции, и эволюционизмом как определенным общим горизонтом социально-научного, прежде всего социологического познания. В качестве образца теории социального эволюции предстанет построение британского социолога Уолтера Рансимана (67).

У. Рансиман утверждает, что если и есть один-единственный вопрос, способный вместить и выразить всю предметную сферу социологии, всех ее различных дисциплин, то это вопрос о том, почему различные человеческие группы, сообщества, институты и общества, которые имеются и были в мире, являются и были такими, какими они предстают перед нами.

Таким образом, уже из общего определения предметной сферы социологии, предлагаемого У. Рансиманом, можно сделать важнейший методологический вывод об отказе от какой-либо нормативности в подходе к социальной эволюции вообще и к ее конкретным проявлениям в частности. Различные человеческие группы, сообщества, институты и общества следует принимать в их данности, являющейся в свою очередь продуктом эволюционного становления и оформления. Обращает на себя внимание и отсутствие какой-либо соотнесенности с будущим.

У. Рансиман отмечает, что научный способ рассмотрения социального поведения людей не является единственно возможным. В то же время он отличается от различных ненаучных способов. Его особенность заключается прежде всего в том, что поведение групп, сообществ, институтов и обществ можно наблюдать, а различия между ними можно объяснять. И наблюдение и объяснение осуществляются в терминах, относительно которых можно достичь согласия в известной мере – в той мере, которая может

опираться на свидетельства в пользу или против предлагаемого тем или иным социологом наблюдения или объяснения.

Несомненным достоинством концепции У. Рансимана можно считать стремление вписать социально-культурную эволюцию в контекст природной эволюции. Подобные попытки редко предпринимаются приверженцами социального эволюционизма.

У. Рансиман утверждает, что нет нужды в обладании языком для того, чтобы обладать культурой. Язык делает нас *более* социальными во многих отношениях. Но мы уже были социальными. Так заключена ли наша социальность в наших генах? Многие сотни тысяч лет естественного отбора привели к тому, что все люди рождаются с набором общих склонностей, инстинктов и способностей, одним из которых является социальность. Ненависть и любовь, предательство и верность и т.п. – все восходят ко времени до начала эволюции языка.

Во всех аспектах своих социальных отношений мы представляем собой результат непрерывного взаимодействия между наследственностью и средой. Из нашего общего наследия, восходящего к тысячелетиям плиоцена, продолжают эволюционировать новые и различные образцы социального поведения, следующие друг за другом так, что их недетерминированное чередование нельзя предсказать.

Для того чтобы реализовывалось, по словам Ч. Дарвина, «происхождение с модификациями», должны быть выполнены только два независимых условия. Первое заключается в том, что базовые ингредиенты изучаемого объекта должны быть способны быть репликаторами, т.е. воспроизводить себя, причем воспроизводить с небольшими, но значимыми различиями, которые принято называть мутациями. Второе условие – эти изменения, мутации должны обладать свойством иметь возможность влиять на шансы своего воспроизводства, что, разумеется, означает возможность дальнейших мутаций. У. Рансиман решительно подчеркивает, что все это совсем не означает «выживание наиболее приспособленных» в том смысле, что свидетельством приспособленности является выживание, а выживание – свидетельство приспособленности.

При всем различии мнений о пригодности теории эволюции в социальных науках никто не в состоянии отрицать, что группы, сообщества, институты и общества очень многообразны и что все они рано или поздно переходят из одного вида в другой. Нельзя всерьез оспаривать идею о том, что должно было произойти нечто, что заставило их сделать это.

История человеческого социального поведения неизбежно носит «эволюционный» характер в том смысле, что все его формы появлялись из предыдущих, но, следует подчеркнуть, не в том смысле, что изменение от одной формы к другой – это изменение в направлении какого-то окончательного состояния вещей, которое можно определить заранее. Подобное представление, распространенное в XIX в., дискредитирует идею в настоящее время.

История восходит к возникновению органической материи из базовых химических ингредиентов вселенной (на Земле) и движется к человеческой ментальности и ее способности создавать и программировать компьютерные системы, которые сами обладают «ментальными» способностями.

Наши мысли нельзя напрямую объяснить в терминах физики, даже несмотря на то что наши ментальности не состоят из чего-либо помимо исключительно сложной молекулярной механики. И наши институты нельзя объяснить напрямую в терминах биологии, даже несмотря на то что социальное поведение – это только то, что делают индивидуальные организмы, наделенные ментальностью и взаимодействующие друг с другом.

Каким бы ни было социальное поведение, следует начать с вопроса о том, что делают люди, а это означает установление того, какие роли они занимают и выполняют.

Принадлежность человека к той или иной группе и т.д. связана с определенной способностью, которая обычно обозначается как *роль*. А роли – это *практики*. Роли *осуществляются*. Роли направляются правилами, которые люди вынуждены принимать как данность.

Изменения, появляющиеся в результате «происхождения с модификацией», различны и по виду, и по степени. То, что делают люди, должно анализироваться на трех различных уровнях, соответствующих трем различным видам поведения. Для их обозначения У. Рансиман использует термины «вызванное», «приобретенное» и «навязанное».

Поскольку все новые формы человеческого социального поведения появились тем или иным способом из прежних, то процесс, посредством которого осуществилось появление какой-то новой формы, по определению представляет собой процесс отбора. Для социолога история – это не одна вещь за другой, это какая-то вещь *вместо* другой. Это сразу же ставит вопрос о том, что же отбирается продолжающимся процессом отбора на каждом уровне.

На биологическом уровне это гены. На культурном уровне, когда инстинкт дополняется имитацией и научением, объектами отбора становятся единства или пучки единств информации и наставлений относительно поведения, которые передаются от ментальности к ментальности. Одни используют для обозначения «мем» (термин был создан Ричардом Докинсом, биологом, в 1970-е), другие предпочитают термин «свойство», что позволяет соотноситься с репликацией не только единиц информации, но и целых комплексов репрезентации, таких как произведения искусства, научные теории, системы мифа и ритуала и т.п. Главное – в том, что для объяснения культурной эволюции – т.е. изменений в образцах приобретенного социального поведения – следует обладать гипотезой относительно характеристик среды, которые помогли мутирующим «мемам» (или свойствам, или пучкам наставлений) распространиться и воспроизвестись.

На социальном уровне объектами отбора являются единицы взаимного действия, поскольку правила, определяющие роли, предписываются обеим сторонам отношения, разделяющим какое-то общее значение. Объектами социального отбора являются и могут быть только практики, определяющие роли. Практики, так же как и пучки и инструкции, передаваемые от ментальности к ментальности, выполняют два условия, необходимые для того, чтобы служить репликаторами. «Соответственно, как организмы мы представляем собой машины для воспроизведения генов в наших телах; как организмы с ментальностью мы представляем собой машины для воспроизведения свойств в рамках наших культур, а как организмы с ментальностью, выполняющие определенные роли, мы представляем собой машины для воспроизводства тех практик, которые определяют эти роли, а также определяют группы, сообщества, институты и общества, конституируемые ролями» (67, с. 12), – резюмирует У. Рансиман свою характеристику социального процесса.

Эволюция, естественная, культурная или социальная, не есть продвижение к какому-то предопределенному окончательному состоянию. Она есть всего лишь движение от того, что представляет собой в какой-то момент более или менее стабильное равновесие. Соответственно, социология не в состоянии предсказать будущее институтов и обществ.

Обращаясь к вопросу о значении для научного изучения социального поведения того факта, что это поведение по большей части есть дело целеполагания и целей, а также сознательных решений для достижения этих целей, У. Рансиман утверждает следующее.

Понятия социального отбора и давления среды не вступают в противоречие с понятиями индивидуального решения и рационального выбора.

Напротив, есть все основания полагать, что человеческая ментальность запрограммирована посредством естественного отбора на калькуляцию соотношения затрат и приобретений при том или другом способе действия. Однако, хотя наше и навязанное, и приобретенное поведение есть дело выбора, это не объясняет ни причину выбора, ни его последствия. Вопрос «Какая осознанная цель преследовалась, когда вводилась данная мутация в социальном поведении?» вполне совместим с вопросом «Каким образом данная мутация повлияла на последующую эволюцию того общества, в котором она произошла?». Правда, на этот последний вопрос еще надо дать ответ.

Отметим следующее. Развернутая теория социальной эволюции выполняет ряд важнейших методологических функций, даже если она не содержит эксплицированных методологических рассуждений. Прежде всего, теория социальной эволюции определяет общую предметную сферу социально-научного познания. Социальная эволюция тем или иным образом соотносится с природно-биологической эволюцией, что само по себе служит определенной общей характеристикой социальной реальности, по меньшей мере посредством соответствующего эволюционистского понимания человека.

Далее, теория социальной эволюции побуждает социально-научное познание воспринимать социальную реальность динамичным, подвижным и изменчивым образом, соответственно побуждает выявлять механизмы социального изменения. А это означает совершенно определенную методологическую ориентацию.

Теория социальной эволюции включает еще один очень важный методологический момент – компаративистский подход. Теория социальной эволюции неизбежно предполагает сопоставление различных социальных форм, в первую очередь разнообразных форм и типов общества, государства, культуры.

Представленная социально-эволюционистская концепция У. Рансимана фактически решает указанные методологические задачи. Методологическую нагрузку несут и другие компоненты этой концепции. Ограничимся указанием на важнейший, с нашей точки зрения, такой компонент. У. Рансиман отказывается от тематизации и концептуализации эволюционного порядка, определяющего движение и содержание социально-эволюционного процесса. Он не огра-

ничивается отказом от тематизации будущего состояния, тем более отказывается от телеологического детерминизма. Подобный отказ есть общее достояние современного социального эволюционизма.

Такой общий теоретический и теоретико-методологический подход определяет и конкретику в отборе методов. У. Рансиман вообще выделяется среди современных социологов-теоретиков тем вниманием, которое уделяется методологической проблематике.

При рассмотрении этой проблематики У. Рансиман упоминает Геродота, который в своем повествовании о победе греков над персами фактически выражает «два фундаментальных аспекта всякого социологического исследования»: признается, что всякое общество отлично от всякого другого, но вместе с тем все они представляют собой вариации общей человеческой природы.

Социолог всегда рассматривает поведение людей *в ролях*. Нет и никогда не будет общества, в котором нельзя определить эти роли или проследить их отношения друг к другу как на групповом, так и на институциональном уровне.

После установления конституирующих общество ролей можно двигаться в двух различных направлениях. С одной стороны, можно задаться вопросом о том, «почему роли таковы, каковы они есть», с другой – спросить «каково это быть одним из людей, занимающих и выполняющих одну из таких ролей». Первый вопрос носит объяснительный характер, а второй – описательный.

Объяснение может быть различных видов. Для социолога важны различия между *генетическими, мотивационными и функциональными* объяснениями. У. Рансиман подчеркивает, что эти различия не соответствуют различиям между вызванным, приобретенным и навязанным поведением: для всех этих форм поведения можно искать объяснения всех видов. Вместе с тем социологи, как правило, склонны как изучать навязанное поведение, так и искать функциональные объяснения.

В идеальном случае объяснение какого-то наблюдаемого образца человеческого социального действия не только будет увязывать мотивационное объяснение с генетической и функциональной гипотезой, но и будет стремиться обеспечить теоретическое основание для всех трех видов объяснения. В социологии еще далеко до тех мощных теорий, способных обосновывать широкоохватные каузальные гипотезы, – теорий как в физике и биологии.

Внимание к методологической проблематике У. Рансиман проявляет на всем протяжении своего творчества. Об этом свидетельствует разработка методологических проблем не только общего

характера, о которых только что шла речь, но и конкретных методологических проблем традиционного плана.

У. Рансиман один из томов своего труда «Трактат по социальной теории» (66) посвящает «методологии социальной теории». Социально-научное познание, прежде всего социологическое, осуществляется посредством целого ряда познавательных операций, важнейшими из которых являются, по У. Рансиману, репортаж, объяснение, описание и оценка.

Репортаж означает «выявление конститутивных намерений и верований» (66, с. 70) социальных акторов. А это предполагает обращение к историческим, социальным, политическим контекстам, наделяющим смыслом конкретные намерения и действия. Репортаж должен избегать поспешное использование элементов других познавательных операций, таких, как объяснение, описание и оценка.

В репортаже реализуется первичное понимание. Установление причин изучаемого социального феномена, представляющее собой объяснение, означает вторичное понимание этого феномена. Репортаж и объяснение как способы понимания социальных феноменов, например, социальных ситуаций способны послужить основой для третьего способа – описания. Описание, по Рансиману, – это попытка указать, каково это для людей существовать и действовать в тех или иных социальных ситуациях, системах. Описание в таком смысле может побудить к оценке рассматриваемого социального феномена, заключающейся в определении того, чем хорош или плох данный социальный феномен.

2.2. Методологическая проблематика социальной агентности

Рассмотрение того, как проблематика социальной агентности, проблематика отношений между агентностью и структурами разрабатывается в социологической теории, в известной мере продолжает рассмотрение того, как эта проблематика предстает в философии социальных наук.

Некоторые социологи считают, что вся история социологии – это история постоянного столкновения двух фундаментально противоположных подходов к исследованию социальной реальности. Один из них представляет собой построение социологической теории как «социологии социального действия», другой – как «социологии социальной системы». «Социология социальной системы» постигает человека как существо, открытое миру, способное, в отли-

чие от животного, к многообразным способам поведения. Поэтому человек нуждается в институциональном контроле для того, чтобы своими действиями он не нарушал социальный порядок и не разрушал общество. «Социология социального действия» воспринимает открытость человека миру как его достоинство, открывающее широкие возможности действия и оформления мира, а не как недостаток.

При этом для многих очевидно, что «социологию социальной системы» и «социологию социального действия» целесообразно рассматривать и использовать не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга подходы к изучению социальной реальности. Адекватное социологическое понимание возможно только при комбинированном использовании обоих указанных подходов. Более того, следует говорить о необходимости такого взаимодействия. Именно на решение этой проблемы и направляются усилия социологической теории.

Действительно, многие разновидности современной теоретической социологии ориентированы на концептуализацию двустороннего характера социальной реальности, в которой человек предстает и как создатель, и как создание этой реальности. Люди конструируют ее своими действиями и в то же время испытывают те ограничения, порой весьма суровые и жесткие, которые она налагает на их жизнь.

Двустороннее отношение между социальным действием и социальной структурой – это всегда процессуальное отношение, означающее динамичное и взаимообуславливающее взаимодействие сторон отношения.

Мы предприняли попытку охарактеризовать преобладающий в современной социологии подход к проблематике социальной агентности, соответственно к проблематике отношений между социальным действием и социальными институциональными структурами. Разумеется, такой подход представлен в различных формах. Достаточно упомянуть теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса (10; 13; 14), теорию структуризации Э. Гидденса (12; 16), позицию П. Бурдьё и других представителей современной европейской социологии.

Подобные концептуализации отношений между агентностью и социальными структурами заключают в себе и методологические ориентации для исследования этих отношений в различных социологических и вообще социально-научных дисциплинах.

В американской социологии последних десятилетий проблематика отношений между социальными структурами и агентностью в основном носит форму «дискуссии микро–макро». В этой дискуссии заметное место занимает структурно-функционалистская парадигма, с которой так или иначе соотносятся и приверженцы других теоретических позиций.

В связи с этим обратимся к работе американского социолога Джеффри Александера и немецкого социолога Бернгарда Гизена, которая представляет собой обширную вводную статью к сборнику, посвященному указанной дискуссии (28). В этой работе особый интерес представляет типология, при разработке которой авторы учитывали очень широкий спектр позиций, не ограничиваясь только материалами указанного сборника. Кроме того, имеет смысл рассмотреть и предлагаемый Дж. Александером и Б. Гизеном анализ отношения к соответствующей проблематике классиков социологии.

Дж. Александер и Б. Гизен указывают, что видят свою задачу в том, чтобы представить историческую и теоретическую перспективы, в которых можно рассматривать работы, образующие часть «той дискуссии, которая предстала как ключевой момент современной социологической теории» (28, с. 1). Дж. Александер и Б. Гизен подчеркивают, что «проблема микро–макро выходит за рамки границ парадигм и поэтому способствует сотрудничеству различных теоретических традиций, а также интеграции дисциплины» (28, с. 1).

Прежде всего, Дж. Александер и Б. Гизен отмечают, что дихотомию «микро–макро» не следует отождествлять с какими-либо конкретными дихотомиями, такими, как «индивид против общества» или «действие против порядка». Данную дихотомию следует рассматривать как «аналитическое различие». Кроме того, Дж. Александер и Б. Гизен подчеркивают, что проблема должна рассматриваться как отчетливо социологическая, а не как философская или политическая.

Дихотомия «микро–макро» восходит к политической сфере, к спору об отношениях между конституциями и божественными правами королей, а также к спорам о том, должна ли нация служить первичной основой политической лояльности по отношению к сообществам, образуемым индивидами.

В конце XIX – начале XX в., отмечают Дж. Александер и Б. Гизен, философские дихотомии стали воспроизводиться в основополагающих утверждениях социологической теории как более эмпирической форме дискурса. Какой бы общей и абстрактной ни была социология, она стремится, в отличие от философии, быть

эмпирической наукой. В социологической теории неэмпирические устремления становятся лишь имплицитными компонентами, «предпосылками» социологического рассуждения.

С самого начала К. Маркс понимал актора не в индивидуалистском ключе, поэтому нельзя говорить о фокусировании на микроуровне. «Практика», о которой говорится в его ранних произведениях, представляет собой форму межличностной коммуникации, которая получает критический заряд, поскольку апеллирует к универсалистским системам верований.

Блестящее эмпирическое осмысление инструментального действия, а также того, каким образом макроструктуры налагают на него ограничения, сделали марксизм парадигмой для всякой социологической теории, которая стремится отдать предпочтение макроанализу, а не микроанализу. Такой структурный акцент создал серьезные проблемы для западного неомарксизма, предпринимавшего попытки восстановить центральное положение сознания в критической теории.

Классическая альтернатива подобному структуралистскому подходу была предложена Э. Дюркгеймом, который с самого начала стремился сочетать внимание к обществу с приверженностью индивиду.

Американский прагматизм развивался как прямая противоположность трансцендентального идеализма в его кантовских и гегельянских формах, а также представлял собой, по крайней мере у У. Джеймса, реакцию на реализм во всякой форме.

Индивидуальный опыт в соответствии с прагматистской перспективой является источником идей, а смысл возникает из интеракции, а не наоборот. Творчество Дж. Мида – наиболее значимая трансляция прагматистской философии в социологическую теорию. Дж. Мид уподоблял общество игре. Ход каждого актора осуществляется в ответ на действия другого, его нельзя рассматривать как продукт какой-то априорной коллективистской силы. В условиях контингентности таких игровых ситуаций действия и ответы становятся главным источником оформления социального порядка. При таком подходе теория Дж. Мида становится микросоциологией, лишенной макрореферента. Действительно, Дж. Мид не писал почти ничего об институциональных процессах или внутренней конституции культурных систем.

Вместе с тем, несмотря на то что игры контингентны и реализуются через ответные реакции, всякое намерение и всякое понимание фильтруются упорядоченными ожиданиями, образующими

правила. Актеры у Дж. Мида интерпретируют реальность через соотнесение с социальными стандартами, а сама идея стандартов предполагает какие-то регулярности в межличностных отношениях. Творчество Дж. Мида, таким образом, предлагает микроанализ, открытый более коллективистским устремлениям, во многом подобно тому как теория Э. Дюркгейма содержала макроперспективу, открытую по отношению к индивиду. Подобно тому как у Э. Дюркгейма полностью отсутствует социальная психология, у Дж. Мида отсутствует институциональная теория.

Ни один из последователей Дж. Мида не оказался в состоянии разглядеть в его микроанализе связь с коллективным. Именно опыт, а не индивидуально опосредованная структура, стал отличительным признаком интеракционистского микроанализа, отмечают Дж. Александер и Б. Гизен.

Сходные проблемы возникали и в связи с еще одним видом микроанализа, рассматриваемого в субъективистском ключе. Психоаналитическая теория общества не только отрицала, что группы и коллективные образования выполняют какую-то необходимую функцию, но и связывала самое существование этих последних с индивидуальной фантазией и патологией. Группы и коллективные образования воспринимались психоаналитической теорией как искажения реальности, которые могут быть устранены, если индивиды станут более рациональными. В соответствии с таким теоретическим подходом все коллективные явления – войны, революции, институты, культурная жизнь – должны объясняться как проявления индивидуальных личностей. Такой редукционистский эпифеноменализм обусловил радикальное фокусирование на микроуровне, присущее вплоть до наших дней социальной науке, связанной с психоанализом. Речь идет, по существу, об определенной институциональной теории, посылки которой, по мнению Дж. Александера и Б. Гизена, прямо противоположны тем предпосылкам, из которых исходила клиническая теория самого З. Фрейда.

Теория рационального действия столь же инструменталистская, как и теория К. Маркса, однако отличается от этой последней тем, что является «агрессивно индивидуалистской». По меньшей мере три традиции оказались источниками рационалистской версии микротеории. Наиболее важную роль для современной версии сыграл бихевиоризм – «психология без сознания» (Дж. Уотсон), подкрепленная экспериментами И.П. Павлова.

В истории социологии ориентация на «микро», утверждавшаяся бихевиоризмом и теорией рационального выбора, получила мощную поддержку со стороны социологии Г. Зиммеля.

Рассмотрение того, как философские дебаты относительно индивида и общества транслировались в классическую социологию, резюмируют Дж. Александер и Б. Гизен, указывает на то, что с самого начала социологическая мысль предлагала ориентацию на более синтетическую, менее антагонистическую концептуализацию отношений между индивидом и обществом. С одной стороны, это было связано с вниманием к «обществу» в плане отношений между индивидуальным и коллективным поведением. С другой стороны, отчетливая эмпирическая ориентация новой дисциплины принуждала даже макротеоретиков К. Маркса и Э. Дюркгейма стремиться увязывать коллективные силы с наблюдаемыми действующими индивидами. Приверженность социологов коллективным или групповым силам не означала отрицание существования действующих индивидов в онтологическом смысле. Индивидуальный микропроцесс играет решающую роль в поддержании макропорядка.

Социологи стали отделять вопросы онтологии от вопросов эпистемологии и переформулировали и те и другие в строго социологических терминах.

Анализ проблематики отношений между агентностью и социальными институтами, анализ отношений «микро–макро» служит в работе Дж. Александера и Б. Гизена прологом к анализу этой проблематики в современной социологии. Этот анализ принимает форму разработки типологии указанных отношений.

В вопросе об отношении «микро–макро» можно выделить по меньшей мере пять основных позиций. 1. Рациональные способные полагать цели индивиды создают общество. 2. Интерпретирующие индивиды создают общество посредством контингентных актов свободы. 3. Социализированные индивиды как коллективная сила воссоздают общество посредством контингентных актов свободы. 4. Социализированные индивиды воспроизводят общество, транслируя существующий социальный порядок в микросферу. 5. Рациональные целеполагающие индивиды подчиняются обществу, поскольку принуждаются к этому внешним социальным контролем.

Представим предложенную типологию в развернутом виде. Можно занять коллективистскую позицию, в соответствии с которой отрицается первостепенная ответственность индивидов и, соот-

ветственно, отрицается первостепенная важность фокусирования на «микро».

Такая позиция в воззрениях на порядок может сочетаться с одним из двух различных способов понимания действия: инструментально-объективной или интерпретативно-субъективной (субъективистской). Коллективистская позиция в отношении порядка, опирающаяся на объективистский подход к действию, отрицает какое-либо эмпирическое значение субъективных восприятий порядка. Она ведет борьбу против фокусирования на микро, или индивидуальном уровне (это выбор 5).

Коллективистская теория, опирающаяся на интерпретативный подход, напротив, наделяет центральным значением субъективное восприятие, но вместе с тем утверждает, что содержание такого восприятия располагается за пределами контингентности индивидуальных актов. Личности и интеракция воспринимаются как главная «конвейерная линия» коллективных фактов.

Если индивидуальная субъективность понимается как простое воспроизведение, то перед нами выбор 4. Если же субъективная коллективистская теория наделяет микроуровень аналитической автономией, т.е. признает, что социализированный индивид осуществляет воссоздание в процессе воспроизводства, то мы имеем дело с выбором 3.

Для теоретических позиций, делающих упор на полной контингентности социального действия, даже «аналитическая автономия» недостаточна. «Микро» отождествляется с индивидом, а он рассматривается как первичный источник социального порядка. Вместе с тем индивидуалистские концептуализации социального порядка точно так же, как коллективистские, связаны с различными способами понимания действия.

Индивидуалистские теории могут делать упор на рациональном и объективном характере действия, а микроанализ – сосредотачиваться на изучении таких эмпирических феноменов, как затраты, вложения со стороны индивида, на его возможностях (это выбор 1). Если же, напротив, исследование исходит из субъективности индивида, то внимание будет смещаться на процессы интерпретации, на некоторой произвольности таких процессов (это выбор 2).

В работе Дж. Александера и Б. Гизена представлен и типологически упорядочен очень широкий спектр позиций в сфере социологического исследования отношений между агентностью и структурами, соответственно, между микроуровнем и макроуровнем социологического анализа. Типология, предложенная

Дж. Александером и Б. Гизеном, отражает, говоря их собственными словами, «мультипарадигмальные дебаты». Добавим, что речь идет о дебатах, длящихся не одно десятилетие.

Ценность этой типологии обусловлена не только учетом «мультипарадигмальных» воззрений и тем, что оно фактически подводит определенные исторически итоги в одной из важнейших областей социологической теории. Главное достоинство рассмотренной типологии видится в том, что здесь четко представлены позиции, в которых «вопрос о действии отделен от вопроса о порядке» (28, с. 14). Это позволяет четко понимать исходные позиции и движущие мотивы настойчивых и многообразных поисков связи и синтеза в концептуализациях отношений между агентностью и структурами, между микроуровнем и макроуровнем социологического анализа. Такие поиски образуют основное содержание рассматриваемой сферы теоретической социологии, о чем шла речь выше.

2.3. Социологические теории как объект метатеории

В этом сегменте нашей работы будут рассматриваться современные концепции, специально посвященные метатеоретической проблематике социологического знания. Это концепции, преследующие цели прояснения процесса возникновения социологических теорий, анализа структуры готовых социологических теорий; выявления критериев отнесения этих теорий к той или иной теоретической традиции или парадигме. В этих концепциях предпринимаются усилия провести различия между собственными метатеоретическими задачами и задачами теорий, сосредоточивающихся на исследовании тех или иных явлений социального мира. Одним словом, мы имеем дело с метатеоретическими построениями в узком смысле. Можно также считать, что перед нами теория науки в строгом смысле в применении к социологическому знанию.

Будут рассмотрены две концепции подобного рода. Первая принадлежит Джеффи Александеру (27). Мы уже отчасти ознакомились с этой концепцией, поскольку она фактически положена в основу той типологии отношений между агентностью и институциональными структурами, которая была представлена в предыдущем сегменте этой главы. Концепция Дж. Александра оказала значительное влияние на концепцию немецкого социолога Андреаса Балоба (32), занимающую заметное место в соответствующей современной литературе, впрочем, не очень обширной.

Объектом метатеоретических, методологических размышлений Дж. Александера становятся «общие теории». Социология полна специальными теориями, к примеру, теориями стратификации, социализации, политики и управления, отмечает Дж. Александер. Общие теории сводят вместе такие специальные теории. Общие теории в определении Дж. Александера – это теории обо всем, об «обществах» как таковых, скорее о модерне, чем о каком-то конкретном современном обществе, скорее об интеракции, чем о какой-либо особой форме или виде интеракции.

Наиболее важным методологическим вопросом является вопрос о возникновении теории. «Реальный мир» накладывает жесткие ограничения на теоретизирование. В то же время теоретическое рассуждение обладает определенной автономией по отношению к реальному миру. «Теории порождаются нефактуальными или неэмпирическими процессами, предшествующими научному контакту с миром в такой же мере, как и структурой этого “реального мира”» (27, с. 6). К нефактуальным процессам относятся прежде всего такие явления, как «интеллектуальная социализация» и «спекулятивное воображение» ученого. В процессе конструирования научных теорий эти явления модифицируются реальным миром, но не устраняются до конца. Можно сделать поэтому вывод о «двустороннем отношении» между теориями и фактами.

Неэмпирическую часть науки следует считать ее «априорным элементом». Носителем этого элемента, по мнению Дж. Александера, выступают традиции. Социология является эмпирической социальной наукой, связанной со строгим тестированием, с фактами, с дисциплиной доказательств и фальсификации. При всем том «эти виды научной деятельности разворачиваются в рамках традиций, считающихся чем-то само собой разумеющимся, не подлежащим строго эмпирической оценке» (27, с. 6). Такие научные традиции образуют «базисные компоненты» социальной науки. Современные теоретические дискуссии как раз и вращаются вокруг них, вокруг различных концептуализаций базисных компонентов социальной науки.

В социальной науке признается важная роль целого ряда неэмпирических элементов. Различные традиции в социальной теории утверждают тот или иной элемент в качестве основополагающего. Некоторые теоретики считают, к примеру, что содержание социальных исследований определяется политическими верованиями ученого. Социологию в таком случае рассматривают как разделенную на консервативные, либеральные и радикальные тра-

диции. Все же решающим элементом социальной теории можно считать не идеологический элемент, а избираемые модели, методы, указание на конфликт в обществе как на главный фактор.

Вместе с тем, как подчеркивает Дж. Александер, ни один из указанных элементов или уровней социальной теории не обладает той решающей силой, которой его наделяют. Все указанные позиции не учитывают наиболее общий неэмпирический уровень, который Дж. Александер называет «уровнем предположений». Именно они образуют «господствующие традиции» в социальной мысли. Под предположениями понимаются «наиболее общие послылки всякого социолога – то, что он “предполагает” при встрече с реальностью» (27, с. 10).

Первым предположением является предположение относительно природы действия. Здесь речь идет в первую очередь о том, рационально или нет действие. Определение этого зависит от выбора внешнего или внутреннего момента (референции) в качестве основного для действия. С точки зрения «рационалистических» подходов действие определяется извне, а «нерационалистических» – изнутри.

Второе предположение Дж. Александер называет «проблемой порядка». Все социологи признают наличие структур, отделенных от индивидов, но резко расходятся в понимании того, как возникает социальный порядок. Можно выделить «индивидуалистские» и «коллективистские» подходы к проблеме порядка. «Коллективистские» подходы рассматривают социальные образцы как предшествующие всякому индивидуальному действию, как продукт истории.

«Индивидуалистские» подходы, даже если они признают наличие надиндивидуальных структур в обществе, считают их результатом межиндивидуальных взаимодействий. Структуры не просто воспроизводятся, но в действительности продуцируются в процессе конкретного взаимодействия индивидов. «Индивиды не только обладают известной свободой, но в состоянии изменить основы социального порядка в любой момент исторического времени» (27, с. 11). Индивиды не несут социальный порядок в себе, скорее они принимают его или восстают против него.

Логические перестановки указанных предположений образуют фундаментальные социологические традиции: рационалистски-индивидуалистские и рационалистски-коллективистские, нормативно-индивидуалистские и нормативно-коллективистские. При этом, как подчеркивает Дж. Александер, послылки относительно порядка не влекут определенные послылки относительно действия.

«Предположения о природе действия и порядка являются рельсами, по которым движется социология» (27, с. 15). Выбор предположений определяет теоретические возможности не только в позитивном смысле, но и в плане их ограниченностей и слабостей, заключает Дж. Александер.

Каждая теоретическая позиция рождает свою собственную дилемму. Если она осознается, то создатель этой позиции или его последователи стремятся внести коррективы, сохранив основные моменты теории. В этих случаях чаще всего вводятся новые категории, которые Дж. Александер называет «остаточными», поскольку они остаются все же вне основной линии теории.

Метатеоретическое построение Дж. Александера базируется на анализе обычных исследовательских социологических теорий. Немецкий социолог Андреас Балог (32) делает предметом своих метатеоретических рассуждений метатеоретические же теории. А эти метатеории в свою очередь изучают «подходы», соответственно «парадигмы», с помощью понятий которых социальные явления вообще могут стать предметом социологии и могут получить объяснение как социальные явления. Такие подходы и парадигмы отделяются от «теоретических высказываний об отдельных сферах». Речь идет о теориях социологического знания в противоположность теориям о социальных системах общества или о каких-то содержательных сферах, образующих предметную сферу социологических исследований.

Итак, объектом рассмотрения у А. Балоба становятся теории, которые в соответствии с намерением их авторов представляют собой «теории социологического знания», независимо от того, содержат ли они также высказывания о структуре социального мира. Другими словами, объектом метатеоретического анализа у А. Балоба становятся метатеоретические же теории, а не теории, реализующие те или иные исследовательские задачи в обычном смысле.

Эти теории демонстрируют прескриптивный компонент, поскольку предлагают в конечном счете рекомендацию относительно того, как конкретные явления определять, делать предметом социологического исследования и анализировать. Этим явно или неявно предлагаются определения того, что такое социология и каким образом ей следует воспринимать свои задачи. Такие теории в силу всеобщности своих притязаний находятся в конкуренции друг с другом.

Плюрализм подобных теоретических подходов не является чем-то новым. Классики различным образом определяли предмет-

ную сферу, форма объяснения ими увязывалась с «различными методическими идеалами». И различными были их представления относительно надлежащей формы объяснения, что также связано с «различными методическими идеалами». Удивительно то, что дальнейшее развитие привело к еще большему увеличению и закреплению различий.

Ввиду указанных различий требуется, по мнению А. Балоба, какая-то надстоящая общая точка зрения, делающая возможным сопоставительный анализ метатеорий. Наряду с классифицирующим подходом, размещающим различные отдельные подходы (например, марксизм, теория систем и символический интеракционизм), есть попытки постигать различные уровни обычных исследовательских теорий таким образом, чтобы появилась возможность оценить их продуктивность. Такие метатеоретические попытки у всех авторов демонстрируют «сходную формально-иерархическую структуру», даже если в содержательном отношении не имеется в виду одно и то же.

Какими могут быть критерии анализа «метатеоретического фона»? Трудность заключается в том, что последние метатеоретические послышки как основное содержание этого фона не могут подвергнуться проверке посредством эмпирического материала. Однако это обстоятельство не должно вести к признанию того, что указанные послышки следует просто принимать, как это утверждают приверженцы постмодернистской социологии.

Один хорошо известный ответ на вопрос относительно последних посылок состоит в указании на возможность реконструкции фоновых посылок, «направляющих постановок вопроса», «аксиоматических оснований». При этом возможно показать, что они оказываются связанными с определенными, зачастую противоположными измерениями, – прежде всего с противопоставлением индивидуализма и холизма, а также рациональности или иррациональности действия.

Такое видение ведет в конечном счете к классификации теорий и подходов на основе их позиций по базисным проблемам и отношению к определенным измерениям.

А. Балог отстаивает альтернативную по отношению к только что описанной возможность «анализа и критики». Теории социологического знания, как метатеории изначально направлены на то, чтобы ответить на определенные вопросы. Учитываются (в рамках такой возможности) не только эксплицитная программатика, но и результаты теоретических анализов, подчеркивает А. Балог.

Поскольку ответы могут оцениваться только с учетом вопросов, на которые они служат ответом, то реконструкция таких вопросов образует предпосылку оценки теорий. Целью всяких теоретических высказываний является ответ на четыре вопроса. Это ответы на вопросы: 1) как осуществляется концептуализация социальных обстоятельств; 2) каковы принципы социологического объяснения; 3) как происходит объяснение социальной интеграции; 4) каковы критерии социологической критики общества?

Первые три вопроса образуют устойчивый ядерный элемент существующих социологических парадигм. Соответственно, основное внимание А. Балог уделяет взаимосвязи этих трех «постановок вопроса». Отстаиваемый им тезис состоит в следующем. Смещение концептуально-методических и содержательно-каузальных вопросов имеет для социологии однозначно негативные последствия, поскольку вследствие такого смещения социологи предформируют объекты исследования на основе предварительных теоретических решений. Необходимость разделять концептуально-методические и содержательно-каузальные вопросы была осознана относительно поздно.

Под «концептуализацией социальных обстоятельств» имеется в виду та плоскость образования понятий, которая лежит в основе понимания объектной сферы. Не всякая теория эксплицирует эту плоскость, однако никакая теория не может обойтись без того, чтобы определить предметы своего анализа (или предпослать их определение) и чтобы тем самым не (указать) предпослать нечто относительно этих предметов.

А. Балог рассматривает в представленной перспективе классические подходы, а также целый ряд новейших концепций. В первую очередь он ориентирован на выявление определенных общих моментов и «конвергенций» в новейших социологических построениях, связанных со стремлением определить место теории, а также предмета исследования в социологии.

Метатеоретические концепции Дж. Александера и А. Балага базируются на анализе широкого спектра социологических теорий, а также на значительном числе метатеоретических же концепций. Это дает основания говорить о высокой степени фундированности их построений.

А. Балог отмежевывается от стандартного подхода в метатеории социологического познания, высоким образом которого он считает метатеоретическое построение Дж. Александера, реконструированное нами выше. Различие между стандартным, в понима-

нии А. Балоба, подходом и его собственным, который он считает альтернативным, можно, на наш взгляд, представить следующим образом. Стандартный подход ориентирован на то, чтобы посредством метатеоретической рефлексии определить различные уровни той или иной общей социологической теории, упорядочить их иерархическим образом. Все это призвано отделить «априорные» элементы теории от тех данностей социальной реальности, которые становятся объектом исследования. А. Балог в своем подходе также стремится к отделению неэмпирического, заданного заранее содержания в теориях, занимающихся исследованием социальной реальности. Отличие его подхода от того, что он считает стандартным подходом, состоит, во-первых, в использовании метода вопроса и ответа и, во-вторых, в отказе от формальной иерархизации уровней в конкретной социологической теории.

В своей совокупности проанализированные концепции Дж. Александера и А. Балоба позволяют составить достаточно полное представление о современной метатеоретической рефлексии, занимающейся изучением возникновения и оформления готовых социологических теорий.

Глава 3

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Историческое познание в традиции западной мысли реализуется в теоретических формах философии истории (пересекающейся с концептуализациями истории в западнохристианской теологии)¹ и научной историографии. В последние десятилетия можно говорить об исторической социологии как об особой форме исторического познания.

Каждая из этих форм постижения истории служит объектом метатеоретической рефлексии. Такая метатеоретическая рефлексия и образует содержание данной главы.

Как известно, методологическая рефлексия набравшего силу исторического познания стала в XIX в. основной движущей силой метатеоретической проблематики социальных наук. В первую очередь это было связано с институционализацией исторических наук.

Так сложилось, что определенная разновидность философии истории выполняет функцию методологической, метатеоретической рефлексии и по отношению к другой разновидности философии истории, и по отношению к научной историографии. В связи с этим необходимо, прежде всего, рассмотреть в общих чертах предметную сферу и основные виды философии истории.

Кроме того, практически во всех современных социальных науках заметное место занимают исторические исследования. Среди этих исследований преобладают те, что ориентированы на изучение

¹ Теология истории (термин образован по аналогии с философией истории) как составная часть теологического комплекса по понятным причинам остается вне нашего рассмотрения. О теологии как о виде теоретической деятельности см.: Кимелев Ю.А. Современная западная философия религии. Ч. II. – М.: Мысль, 1989; Кимелев Ю.А. Философия религии. Систематический очерк. Ч. II. – М.: NB, 1998.

исторических реальностей в соответствующей дисциплинарной ретроспективе. Вдобавок каждой дисциплиной изучается ее собственная история.

Все большее значение приобретают междисциплинарные кооперационные усилия, так что сегодня правомерно говорить о междисциплинарном сообществе социальных ученых, предметом исследовательской деятельности которых является история.

Историческая социология – одно из наиболее ярких проявлений такой тенденции. Помимо социологических и историографических устремлений, синтезированных уже в самом обозначении, можно указать на то обстоятельство, что историческая социология так или иначе интегрирует элементы экономической истории, социальной истории, политическую науку (и политическую социологию, само собой разумеется). Все это, естественно, неизбежно проявляется и в плане методологии.

3.1. Философия истории как вид постижения истории

Предметом философии истории являются историческое изменение человеческого бытия и возможность его осознания и познания. Термин ввел в философию Вольтер (так называлась одна из его работ). В философии истории объект исследования – всемирная история как нечто целое или тот или иной сегмент исторической жизни людей. Особую сферу философии истории образует философский анализ границ, возможностей, форм и методов исторического познания.

Из такого понимания следует принятое в XX в. разделение философии истории на два вида. Первый осуществляет философскую тематизацию, исследование и осмысление исторического процесса как определенной *бытийной сферы*, как одного из главных контекстов существования человека. Таковую философию истории, наиболее ярко воплощенную в классических образцах (философия истории Дж. Вико, И. Гердера, Г. Гегеля, К. Маркса и др.) и имевшую явное преобладание в истории существования этой философской дисциплины, принято называть *материальной, онтологической* или *субстанциальной* философией истории. Второй вид философии истории, связанный с осмыслением природы исторического познания, соответственно обозначается как *критическая, аналитическая* философия истории (последнее название распространено в англоязычной литературе по философии истории, где большинство работ по эпистемологии и методологии истории-

ческого познания написано представителями аналитической философии). Этот вид философии истории и станет ниже объектом нашего рассмотрения.

Философия истории как онтология истории призвана указать сущностное содержание, процессуальную форму и смысл истории. Разумеется, в конкретных концепциях делается акцент на одной из этих целей. Однако в той или иной степени всегда присутствуют и остальные цели, что обусловлено самой сутью данного типа философско-исторического мышления.

Первая треть XX в. отмечена появлением новых субстанциальных построений, таких как философско-исторические учения О. Шпенглера и А. Тойнби, которые вызвали очень большой резонанс. В последующем по существу не было попыток создать единую концептуальную картину всемирной истории. Философско-историческая мысль осознала всю проблематичность оперирования сущностями, которые традиционно полагались в качестве крупномасштабных субъектов истории, воспринимавшихся также и как носители исторического смысла («дух народа», «нация», «государство», «объективные закономерности истории» и т.п.). Общим стало и представление о невозможности универсального телеологического детерминизма. Поэтому стала сомнительной тематизация какого-либо будущего или тем более окончательного исторического состояния, которое необходимо должно наступить и способно поэтому объяснить прошлое и настоящее через их движение к этому состоянию. Некоторые функции субстанциальной философии истории, в первую очередь те, что были традиционно связаны с установлением некоего общего «диагноза эпохи», перешли к другим сферам знания, прежде всего к теоретической социологии. Эту ситуацию можно рассматривать как известное завершение процесса перехода ряда функций философии истории к социальным и гуманитарным наукам, который начался еще в XIX в.

В классической философии истории присутствовали все те формы философско-исторической рефлексии, которые в дальнейшем представляли в обособленном виде. Классические философско-исторические концепции включали, соответственно, не только концептуализации исторического процесса, но и обоснования возможности таких концептуализаций, а также элементы методологической рефлексии научно-историографического исследования. Разумеется, классические философско-исторические построения содержат и размышления о значении истории для человека, его места и роли в ней.

В XIX в. начала формироваться и завоевывать признание философия истории второго вида. В работах И. Дройзена, В. Дильтея, в исследованиях по логике исторического познания В. Виндельбанда и Г. Риккерта, в дискуссиях по проблемам историзма, в анализах природы исторического познания Б. Кроче, Р. Коллингвуда и др. была заложена и развита традиция критической философии истории. В 1940–1950-е годы к исследованию природы исторического знания подключился целый ряд философов, принадлежащих к аналитической традиции (К. Гемпель, М. Мандельбаум, И. Берлин, А. Данто, У. Дрей, М. Уайт и др.). Эта философия истории стремилась ответить на следующий круг вопросов. В чем состоит специфика исторического знания, каковы его связи с донаучным историческим сознанием, со смежными социальными и гуманитарными науками? Каково соотношение понимания и объяснения в истории? Применяют ли историки общие с другими науками схемы объяснения или же есть специфические формы исторического объяснения? Каково значение ценностных суждений в историческом познании и как наличие таких суждений соотносится с объективностью исторического знания? Существует ли теоретический уровень исторического знания или историческая наука ограничивается только описаниями фактов и событий? Как строится историческое описание (нарратив)? Можно ли считать, что нарратив включает в себе определенную логику понимания и объяснения?

В конце XX – начале XXI в. западная философия истории в ее материальной разновидности предстает как совокупность философских концептуализаций, связанных с различными, отчасти разрозненными проблемными комплексами. Это исследования истории философии истории, среди которых особое место занимают те, что ориентированы на оценку судеб и теоретического потенциала классического образца философско-исторической мысли в нынешних условиях. Предпринимаются попытки философского постижения исторической реальности в ином или ограниченном по сравнению с классическими образцами формате: исследования различных «временных слоев» истории; изучение в философско-исторической перспективе историко-трансформационного потенциала техники; сопоставление понятий «глобализация» и «всемирная история»; различные концептуализации «конца истории». Философско-исторический характер, по существу, носят некоторые общие социально-научные концептуализации «модерна» и «постмодерна». Философско-историческая проблематика «человек и история» предстает

в основном в форме исследований исторической идентичности, индивидуальной и групповой, а также в форме анализа и критики постмодернистского тезиса о «конце субъекта» в его приложении к истории.

Философское изучение условий и возможностей исторического познания в конце XX – начале XXI в., как и прежде, выступает в двух основных разновидностях. В европейской философии истории эпистемологического типа продолжаются дискуссии между философско-трансцендентальными, герменевтическими и аналитическими подходами. Аналитическая философия истории (другая разновидность) разрабатывает традиционную для нее тематику: природа исторического факта; объяснение и понимание; ценностные моменты в историческом познании. Определенным приоритетом в настоящее время обладает проблематика исторического нарратива, что связано с использованием новых теоретических разработок из других областей аналитической философии, в частности проблематики фикционалистского дискурса.

Следует обратить внимание на то, что в настоящее время широко распространено мнение о том, что философия истории принадлежит прошлому, причем безвозвратно. Такое мнение проистекает главным образом из отождествления философско-исторической мысли с классической философией истории, представляющей собой так называемую материальную, или субстанциальную, философию истории с ее концептуализацией истории как единого исторического процесса, имеющего объективно постижимые причины и структуру, а также определенную направленность телеологического характера.

Вместе с тем общепризнанно, что в настоящее время философию истории нельзя отождествлять только с классическим философско-историческим проектом. Философия истории сегодня – это не четко очерченный канон признанных концептуализаций и понятий. Ее нельзя также считать выражением какого-нибудь единого исторического мировоззрения или идеологии.

После краткой общей характеристики философии истории как одной из традиционных форм теоретического постижения истории, а также после характеристики состояния философско-исторического дискурса в настоящее время сосредоточим внимание на тех сегментах этого дискурса, которые имеют непосредственное отношение к тематике данной работы.

Это означает, что объектом рассмотрения станет нынешнее состояние той формы философии истории, которая связана с изу-

чением функций и возможностей теоретического исследования истории. Напомним в связи с этим, что философия истории в этой своей форме может *в принципе* брать на себя двойную функцию: быть философской рефлексией относительно философского же «материального», «субстанциального» познания истории, т.е. быть философско-исторической саморефлексией (метатеорией), с одной стороны, и быть исследованием природы и границ научно-историографического познания – с другой.

В настоящее время крайне мало работ, специально посвященных метатеоретическому анализу материальной философии истории, т.е. работ, исследующих возможности, характер и границы философско-исторической теории материального типа. Вместе с тем в современной философско-исторической литературе присутствует подобная метатеоретическая саморефлексия. Можно выделить некоторые виды такой рефлексии.

Укажем прежде всего на усилия показать принципиальную возможность материальной философии истории. Как правило, речь идет о философско-исторических концептуализациях материального типа, содержащих и метатеоретические размышления оправдательного характера. Таким образом, на обоснование возможности материальной философии истории указывают и факт осуществления соответствующей концептуализации, и эксплицитные метатеоретические рассуждения. При этом такие рассуждения чаще всего носят характер критики «критики философии истории», опровержения критических и скептических аргументов оппонентов материальной философии истории.

В качестве наглядного примера можно привести философско-историческую концепцию немецкого философа Иоганна Робек (63). Во многих отношениях эта концепция строится через противостояние критике философии истории, строится как контркритика аргументов, отрицающих саму возможность материальной философии истории в современных условиях. В содержательном плане концепция базируется на анализе научно-технического и экономического процесса от середины XVIII в. до настоящего времени, т.е. на анализе движения технико-экономической цивилизации. А «неисторичность» такой цивилизации образует, как известно, одну из главных основ тезисов о «конце истории» и «постистории». Эти тезисы в многообразных вариантах служат обоснованию исчерпанности и невозможности субстанциалистской философии истории.

Свою критику критики философии истории И. Робек квалифицирует как попытку «реабилитации философии истории». Подоб-

ная попытка должна заключаться не только в согласии с ее общепризнанными «остаточными функциями», но и в указании на те «мыслительные мотивы», неотделимые от философии истории, которые оказались преданы забвению. Одним словом, речь идет о проекте «спасающей критики».

При рассмотрении подобных «мыслительных мотивов» целесообразно соотнестись с началом европейской философии истории, которое И. Робек увязывает с эпохой Просвещения, с французской, английской и немецкой исторической мыслью второй половины XVIII в. Речь идет, прежде всего, о просветительской идее всеобщей истории, под которой английские, французские и немецкие мыслители понимали конкретный процесс универсализации в сфере мировой торговли, глобального транспортного сообщения и связи, а также универсализацию научного исследования. Именно этот еще только начавшийся процесс показал реальную возможность всемирной истории.

Содержанием просветительской философии истории было возникновение модерна и процесс модернизации. Процесс цивилизации в сферах науки, техники и экономики образовывал и основу идеи прогресса. С этой идеей увязывалась оценка предыдущей истории, понимание настоящего и надежды на будущее. Философия XVIII в. поэтому ближе нам, чем философия истории XIX в. с его идеями национального государства и народного духа.

И. Робек отвергает обвинение в адрес просветителей в том, что они «наивно» подходили к своему предмету, не обращаясь к методологической рефлексии. Они соблюдали требование удостоверения исторических источников. Кроме того, в соответствии с просветительским понятием философии они стремились в первую очередь к установлению причин исторических изменений. В свое каузальное объяснение философы-просветители включали и социально-научное знание, прежде всего политэкономическое.

На вопрос о том, кто «делает» историю, просветители со времен Вико отвечают: историю делают люди. Человеческий род делает возможными всемирную историю и реализующийся в ней прогресс. Вместе с тем в истории не реализуется какой-либо осознаваемый людьми план. Телеология в истории, если она и присутствует, реализуется как бы вне зависимости от осознанных намерений и целей людей, тем более в истории не происходит реализация коллективно осознанных и запланированных целей. Просветители, а вслед за ними и мыслители XIX в. осознали это обстоятельство.

Следует сохранить идею просветителей о том, что субъектом истории является человеческий род. Понятие человеческого рода должно постигаться как реализующаяся в череде поколений «связь воспроизводства» социально-исторической жизни. Человеческий род можно представить как некий единый субъект действия, если интенциональность человеческого действия понимается «нетелеологическим образом». Соответственно, род не следует представлять как субъект, который в состоянии планировать и осуществлять свою историю. Исторические процессы приводят к результатам, к которым никто не стремился. В истории пересекаются и накладываются друг на друга действия, которые всегда производят лишь случайные образования.

И. Робек претендует на разработку философии истории «среднего масштаба», поскольку концентрирует внимание на процессе индустриализации, не проводя при этом прямых параллелей с развитием других сфер жизни. Соответственно, его проект ограничивается историческим временем от середины XVIII в. до настоящего времени. Речь идет о «материальной философии истории». Оправдание своему подходу И. Робек видит и в том, что практически все критики философии истории в центр своего интереса также ставят научно-технический и экономический процесс, техническую цивилизацию, причем при обсуждении этой проблематики ими же используются философско-исторические формы мышления. Особенно наглядно это видно на примере критики идеи прогресса. Технический прогресс признается, причем как нечто самоочевидное, в качестве «направляющей линии» истории. И сторонники тезиса о «конце истории» также исходят из фактически философско-исторической оценки технического прогресса, поскольку в основе их позиции лежит посылка о том, что техническая цивилизация сама по себе не способна порождать «смысл жизни». Постистория – техническая цивилизация без культуры и, следовательно, без истории.

Макроисторическое видение может выражаться синонимическими понятиями всеобщей, всемирной и глобальной истории. «Всеобщая история» и «всемирная история» универсальны «по идее», они функционировали в эпоху, когда историческое объединение человечества еще не было в полной мере реальным процессом. «Глобальная история» соотносится с действительным и очевидным процессом «глобализации». Речь идет о «реальном обобществлении» человечества. Можно выразиться и таким образом, что понятие глобальной истории обозначает процесс реализации всемирной истории.

И. Робек выделяет три установки по отношению к прогрессу, в первую очередь техническому прогрессу. Первую установку разделяют все те позиции, начиная от Просвещения и до сегодняшнего дня, которые провозглашают утвердительное и позитивное отношение к «проекту модерна». Вторая установка – установка радикальной критики по отношению к цивилизации эпохи модерна. Совокупность соответствующих позиций образует «негативную философию истории». Третья установка проявляется в провозглашении «конца истории» и характеристике современной эпохи как «постистории».

Указанные установки и объединяемые ими различные позиции определяются в конечном счете исходя из отношения к сфере труда и техники. Так, негативные установки проистекают из «критики техники».

Если негативизм в отношении прогресса и возможности позитивной философии истории «питается» критикой техники, то определена та аргументативная сфера, в рамках которой можно осуществить систематическую реконструкцию позитивной философии истории. Соответственно, путь к реабилитации философии истории, какой она представляется автору, лежит через демонстрацию позитивного исторического потенциала техники, прежде всего ее культурного потенциала.

Концепция И. Робека была реконструирована с целью продемонстрировать новейший образец философии истории материального типа, что само по себе может считаться метатеоретическим опровержением тезиса о невозможности такой философии истории в современных условиях. Другой целью было показать эксплицитную метатеоретическую аргументацию, ориентированную на «реабилитацию» философии истории такого типа.

Размышления о возможностях философского постижения истории и историчности человека могут реализовываться и вне связи с каким-то развернутым субстанциальным философско-историческим построением. В современной европейской философии, особенно немецкой, подобные размышления по-прежнему зачастую связываются с проблематикой историзма. Эта проблематика занимает важное место и в философско-историческом дискурсе, и в разнообразных культурологических концептуализациях. Историзм обсуждается и как онтологический тезис относительно социально-исторического мира, и как общая характеристика ряда философских и социально-научных методов постижения этого мира, в частности такого видения истории, как «герменевтический историзм».

В целях подтверждения высказанного обратимся к работе Герберта Шнедельбаха «Смысл в истории? – О границах историзма» (69). Шнедельбах видит свою задачу в «поиске границ исторического мышления». Он утверждает, что сегодня, как и прежде, перед философией стоит проблема сочетания и совместимости натурализма и историзма. Для решения этой проблемы необходимо определить границы каждого из таких способов видения вещей.

Исходным моментом является «тривиальная» посылка о том, что историческое отличается от природного тем, что помимо описания и объяснения к историческому применимо и «понимание». Понимание означает «понимание смысла». В соответствии с воззрениями историзма «историческое в отличие от просто природного является осмысленно-понятным» (69, с. 129).

Ориентация на смысл действия многообразно пересекалась с традицией, видевшей в истории какой-то сообщаемый ею смысл. «Связь смысла действия и сообщаемого смысла не представляла собой проблему до тех пор, пока происходящее в истории понималось – в традиции иудеохристианской истории спасения – как обхождение Бога с людьми. История свидетельствует о действии Бога и смысле этого действия. Речь идет о сообщаемом смысле» (69, с. 135). Но если люди – сами творцы своей истории, то что может сообщать история? Соответственно, в условиях полной профанности и смысл действия становится загадкой.

У последователей В. Дильтея, у М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера понимание приобретает фундаментальное значение для «обхождения» человека с миром, и тем самым приобретает универсальное значение герменевтика. С точки зрения проблематики смысла не составляет особой разницы, укореняются ли акты понимания в «жизненной связи» (переживание, выражение и понимание), в некоем изначальном понимании, присущем человеку как «здесь-бытию», или в постоянно продолжающемся событии воздействия тех или иных исторических явлений. М. Хайдеггер и его школа не преодолели историзм. «Переход от историзма к экзистенциалу “историчности” означает лишь тотализацию историзма под знаком смысла сообщения, поскольку основу историчности, по Хайдеггеру, образует онтически фундированное понимание бытия, присущее человеку, которое происходит в горизонте его временности» (69, с. 139).

Герменевтический историзм в своем толковании исторического означает «гипертрофию сообщаемого смысла». То обстоятельство, что смысл действия становится нам доступным, как правило, через сообщения действующих людей, приводит герменевтиков к

тому, что смысл действия полностью растворяется ими в смысле, которое содержит сообщение. В то же время европейская традиция исторического мышления являет и «гипертрофию смысла действия». Это происходит тогда, когда из рассказа об истории спасения и ее секулярных производных удаляется сообщаемый смысл и исторически понятное сводится лишь к действиям людей. В таком случае смысловые образования, связанные с сообщениями – «надстройка», мир символического, институты, – предстают только как эпифеномены смысла действия. В действительности все подобные позиции отстаивают такой же радикальный культурализм, как и герменевтический историзм. История, соответственно, разворачивается по ту сторону природы или только на ее границах, и это не может становиться источником смысла истории. Ни гегельянцы, ни марксисты, ни У. Джеймс, ни Дж. Дьюи не признавали каких-либо природных ограничений для исторически возможного и осмысленного. (Эти утверждения Г. Шнедельбаха могут служить подтверждением нашего высказанного выше тезиса о том, что в традиции западной философии всегда предпринимались усилия определить тем или иным образом онтологический статус социально-исторического мира по отношению к природной реальности.)

И все же историки и теоретики историзма не утверждали универсализацию смысла сообщения в такой мере, в какой ее приписывала им герменевтическая онтология. Они признавали за смыслом действия определенное ограниченное право. Не герменевтический метаисторизм в духе М. Хайдеггера, а критика историзма способна содействовать попытке определить границы, в которых можно вести речь о смысле в истории. Следует сосредоточиться на постижении субъективного смысла действия в истории.

Герменевтики настаивают на том, что мир открыт нам языково и исторически. В связи с этим они выступают против некритического натурализма в духе К. Лёвита. По мнению Г. Шнедельбаха, им следует возразить. Историческое просвещение уже нельзя отменить, но из него не вытекает гипертрофированный историзм. Наша историчность включает природность, но не как «снятый момент» и не как лишь экзистенциал. Конечно, и знание о нашей природности было получено нами посредством языка и в истории, но это не означает, что следует придерживаться герменевтического идеализма с его утверждением о мире, полностью понятном в его бытийном смысле.

Необходимо четче определить границу между природным и историческим. Эволюционистская темпорализация природы при-

вела к тому, что различие между натурализмом и историзмом уже нельзя обосновать онтологически. Здесь может оказаться полезным обращение к «повествованию». Оно открывает структуру эволюции в природе и культуре. Различие между природой и культурой заключено в «рефлексивности эволюции». Природа и культура соотносятся как эволюция и рефлексивная эволюция. Лишь посредством рефлексивности эволюции субъективный смысл действия становится предметом истории. Повествовательная речь о значимости действия выходит за пределы указания на каузальные и функциональные факторы, а также последствия действия. «Смысл в истории дан только как нарративный смысл в историографии, т.е. как смысл незавершенной множественности историй, которые можно рассказать об истории, понимаемой как рефлексивная эволюция» (69, с. 148).

3.2. Аналитическая философия истории

Общая характеристика философии истории, предложенная выше, была также и характеристикой ее формы, связанной с мета-теоретической рефлексией относительно возможностей теоретического постижения истории в философии истории материального типа и в научной историографии.

Генетически и по существу данная разновидность философии истории связана с проблематикой постижимости человеческого социально-исторического мира. Постановка таких проблем означала оформление характерного для Нового времени подхода к истории, соответственно означала оформление специфической нововременной философии истории.

Философия истории в форме «теории историографии» представляет собой эпистемологические и методологические разработки, исследования, охватывающие широкий спектр вопросов, – от вопросов о нашем когнитивном доступе к «историческим фактам» до вопросов возможности исторических объяснений.

В настоящее время философия истории, исследующая условия и природу исторического познания, представляет собой по преимуществу философскую рефлексию относительно реальной практики познания прошлого, прежде всего практики академической институционализированной исторической науки. Это реальная практика, опирающаяся на мощный институт университетской историографии.

Разумеется, при этом речь не идет о сугубо дисциплинарных, «технических» методологических разработках. Это дело самой историографии. Философия истории обращается главным образом к философско-эпистемологическим и методологическим аспектам теоретического познания прошлого. В связи с этим можно утверждать, что фактически речь идет о «метатеории истории».

При характеристике нынешнего состояния философско-исторического дискурса мы провели различие между европейской и аналитической разновидностями в философском изучении условий и возможностей исторического познания. Это различие очень условно, во-первых, потому, что географическое по существу обозначение противопоставляется сугубо содержательному; во-вторых, в силу того обстоятельства, что в настоящее время соответствующие философские разработки какого бы то ни было рода немыслимы без соотнесения с аналитической философией истории.

Тем не менее есть определенный смысл в проведении указанного различия, поскольку оно указывает на специфику аналитической философии истории, по меньшей мере оттеняет ее своеобразие через сопоставление с «историкой» (принятое в немецкой традиции обозначение для преимущественно философских разработок методологической проблематики историографии) с ее традиционной ориентацией на трансцендентально-философские и герменевтические методы.

Мы сосредоточим внимание на рассмотрении аналитической философии истории, преимущественно англоязычной. Аналитическая философия истории весьма разнообразна. На протяжении нескольких десятилетий были выработаны различные подходы, нередко конфликтующие, соответственно предпринимались усилия с целью установить основные моменты разногласий и по возможности устранить их.

В настоящее время наиболее важными из проблем, исследуемых аналитической философией истории, представляются те, что связаны с философским реализмом, с объяснением, а также с нарративизмом. С ними так или иначе оказываются увязанными и большинство других проблем, обсуждаемых в аналитической философии истории. Подчеркнем, что, как и прежде, все рассуждения соотносятся с готовым историографическим текстом – его логикой, использованными языковыми, в частности стилистическими, средствами.

Проблематика реализма – это проблематика онтологического статуса прошлого. Существование прошлых событий является необ-

ходимой предпосылкой исторического дискурса – и историографического, и философско-исторического. Если не приходится сомневаться в существовании прошлых событий, то не исключено, что возможно историческое познание, философско-историческое в том числе.

Интересную и, что очень важно, достаточно полную реконструкцию разработки проблематики реализма в аналитической философии истории предложил Леон Помпа (59). Л. Помпа констатирует, что историки обычно занимают реалистские позиции в отношении знания. Это включает три утверждения: индивидуальные события, действия и происшествия действительно имели место в прошлом; истинные исторические утверждения или факты являются утверждениями о таких происшествиях; такие утверждения известны потому, что в настоящем имеется достаточно свидетельств о них. Такая позиция обманчиво проста и была оспорена применительно к каждой стадии, отмечает Л. Помпа.

Реализм предполагает, что прошлое, которому привержены историки, есть *независимое* прошлое, т.е. прошлое, наполненное событиями, которые имели место независимо от того, будем ли мы когда-нибудь знать что-либо о них. Историки видят свою задачу в раскрытии содержания прошлого, а не в *создании* его.

Такой подход оспаривается, однако, идеалистическим воззрением, оспаривается посредством теории, известной в настоящее время как «конструкционизм». В соответствии с конструкционистской позицией историки способны постигать истины о прошлом, однако это не прошлое, как мы его обычно понимаем, т.е. как независимое прошлое с реальными событиями, ожидающими того, чтобы быть обнаруженными. Речь идет о специфическом «историческом» прошлом, которое существует как нечто, что мы конструируем исходя из наличных свидетельств. Соответственно, если бы мы стали обладателями новых свидетельств и стали конструировать по-иному, то изменилось бы не только наше знание, но изменилось бы и само историческое прошлое. Но в таком случае было бы ложным и стандартное историческое верование реалистского характера, а также понимание знания, которое предполагается им.

Главное обоснование такой позиции состоит в том, что если нет реального прошлого, то оно не может выполнять функцию верификации того или иного исторического объяснения. Соответственно, то прошлое, которое представляет нам историк, – это не прошлое, каким оно могло бы быть само по себе, а прошлое, соотнесенное только с нашей способностью объяснить наши верования относи-

тельно свидетельств. Идея, что историки раскрывают прошлое, которое существовало независимо от нашего знания о нем, отвергается в пользу идеи о прошлом, которое существует только как конструкция, призванная объяснять наличные свидетельства. Данное воззрение имеет сходство с некоторыми формами научного *антиреализма*.

Конструкционизм включает ту же предпосылку, которую делал Рассел: поскольку исторические утверждения – это утверждения о прошлом, которое мы уже не можем воспринимать, то есть что-то проблематичное в его онтологическом статусе. Однако это очень сомнительная посылка, считает Л. Помпа, поскольку большинство видов знания, как повседневного так и научного, относятся к тому, что ненаблюдаемо в настоящее время (скорость света или существование нейтронов). Если бы дело обстояло так, что утверждение о чем-то ненаблюдаемом не могло бы быть утверждением о независимой реальности, то набор утверждений о том, что мы считаем реальными сущностями, должен бы быть заменен набором утверждений о сконструированных сущностях.

Возражения, однако, не исключают того, что историческое знание получается посредством использования аргументации, причем так, как об этом говорит конструкционизм. Возражения лишь показывают, что нет оснований считать, что аргументы приводят к результатам, к утверждениям о каком-то «историческом» (историографическом) прошлом, а не о реальном прошлом, которое можно постигать рядом различных способов, заключает Л. Помпа.

Для понимания того, какую роль проблематика объяснения играет в аналитической философии истории, обратимся к работе одного из наиболее известных ее представителей Артура Данто с примечательным названием «Закат и конец аналитической философии истории» (41). Здесь судьбы аналитической философии истории вообще увязываются с этой проблематикой. А. Данто утверждает, что если сильно упрощать, то начало аналитической философии истории можно связывать с публикацией классической работы Карла Гемпеля «Функция общих законов в истории» (1942). Рассмотрение А. Данто воззрений К. Гемпеля призвано указать на то место, которое проблематика объяснения всегда занимала в аналитической философии истории.

К. Гемпель, невзирая на все критические возражения, не видел, по мнению А. Данто, оснований для пересмотра своих воззрений на историческое объяснение, равно как и разработанной совместно с Полом Оппенгеймом более объемной общей теории объяснения

(«Исследования по логике объяснения», 1948). При этом совершенно очевидно, что К. Гемпель в принципе был готов к пересмотру своих позиций, если находил основания для этого.

Опубликованная в 1965 г. книга «Аналитическая философия истории» самого А. Данто призвана была показать, что объяснение, как его понимал К. Гемпель, вполне совместимо с повествованием. Это означало защиту «модели покрывающего закона» от утверждений, что нарративистские модели представляют собой полную альтернативу указанной модели.

Действительно, отметим, что значительная часть усилий историков направлена на объяснение того, что произошло в прошлом. Анализ того, как надлежит осуществлять объяснение, является предметом споров. Эти споры связаны с противостоянием двух точек зрения. Первая заключается в том, что следует разрабатывать доказательные объяснения. В соответствии со второй следует стремиться к какой-то форме понимания действий людей.

Точка зрения, согласно которой объяснения в истории являются или должны быть той же формы, что и объяснения в естественных науках, была, как в очередной раз подчеркнул А. Данто, наиболее ярко и полно представлена К. Гемпелем. Тезис К. Гемпеля, ставший известным как «модель покрывающего закона», или дедуктивно-номологическая модель, включает два момента: объяснить событие – значит показать его предсказуемость, а чтобы показать предсказуемость события, следует показать, что его можно подвести под какой-то набор каузальных законов.

Сильная сторона модели покрывающего закона состоит в том, что объяснение должно показать, почему произошло такое событие, а не другое. Но это означает, что речь фактически идет о детерминистском объяснении. Именно данное обстоятельство послужило основной причиной наиболее сильных возражений против указанной модели.

Наибольшее внимание привлекают возражения, которые заключаются в указании на то, что материал историографии таков, что модель неверна в принципе. Особый вес имело возражение, состоящее в указании на то, что модель не способна воздать должное уникальности исторических событий и индивидов. Однако нельзя отрицать, что при всей уникальности исторических событий их следует описывать в общих терминах, поскольку только так о них вообще можно что-то сказать. Соответственно, уникальность не является достаточным возражением против модели покрывающего закона, отмечают его сторонники.

Уникальность может представлять и как указание на деятельность уникальных индивидов, поведение которых не может быть подвластно законам. Сомнения в правомерности подобных утверждений проистекают из того, что объяснения в терминах склонностей (индивидов) несут в себе те же импликации законосообразного поведения, какие требуются моделью покрывающего закона.

Вопрос об индивидуальности приобретает особое значение в связи с тем, что историки обычно интересуются не индивидом как таковым, а индивидом в той или иной роли. Указывается, что нет законов, способных объяснить отношения между индивидом и ролью, и нет законов, способных объяснить историческое оформление и развитие ролей. Соответственно, можно сделать вывод о том, что здесь в принципе неприменима модель покрывающего закона.

Альтернативная модели покрывающего закона модель исторического объяснения предполагает то, что часто называют «рациональной реконструкцией». Центральная идея этой модели состоит в том, что главная задача историка заключается в том, чтобы понять человеческое действие специфически человеческим способом. Историк делает это, когда показывает, что определенное действие представляет собой интенциональное действие, предпринятое в соответствии с определенными верованиями, которые делали такое действие осмысленным для агента, предпринявшего его.

Действие получает объяснение, когда мы понимаем, почему агент решил совершить его. Можно отметить, что это, однако, лишь часть объяснения, поскольку историков интересует не только то, почему люди действовали определенным образом, но и то, были ли их действия успешными или неудачными. Соответственно, когда установлены причины действия и верования агента, их следует подвергнуть дальнейшему критическому исследованию, поскольку успех или неудача действий зачастую зависят от достоинств или недостатков лежащих в их основе причин и верований.

Если историки пытаются понять действия в терминах рациональной реконструкции, то объяснение будет верным, только если они в состоянии установить, какими в действительности были причины действия.

Теория нарратива, или нарративистская теория деятельности историка, по-прежнему, вот уже несколько десятилетий, находится в центре внимания аналитической философии истории.

Историки традиционно представляли результаты своих исследований в форме повествования, или нарратива. Несмотря на оспаривание роли нарратива, к примеру, теми, кто отдает предпочтение

измерениям и считает индивидов и события относительно поверхностными следствиями глубинных структур и процессов (существование которых можно увидеть только со временем), – нарратив остается наиболее характерным способом представления исторического знания и, соответственно, предметом оживленных дебатов относительно его эпистемологического статуса и онтологических импликаций.

Освящение истории как академической дисциплины в XIX в., идеал объективной и беспристрастной науки, вообще понимание науки в соответствии с позитивистскими и историцистскими парадигмами – все это уводило в сторону от сосредоточения внимания на нарративной форме, а также от мощной риторической традиции, считавшейся до тех пор чем-то необходимым для освоения ремесла историка. Такое господствующее видение истории как науки, а также отказ от традиционной социальной функции, заключавшейся в легитимизации власти, – все это побуждало считать повествование такой формой изложения результатов исследования, которая не оказывает воздействия на содержание презентации «фактов».

Несомненно, одна из заслуг нарративизма в его различных версиях состоит в том, что было обращено внимание на форму повествования и его структуры. А повествование с его структурами считалось только техникой экспозиции, не оказывающей воздействия на информацию, которая содержится в историографическом тексте.

Между проблемами реализма и нарративизма есть связь в интересующем нас аспекте. Рассмотрение проблемы реализма не позволяет увидеть, почему анализ способов повествования должен ставить под вопрос правомерность философии истории. Конечно, нарративная форма структурирует материал, отбирает его и сообщает ему определенную связь. Между теорией повествования и содержанием историографических текстов не существует такой противоположности, которая бы принуждала спасать эту историографию посредством отрицания ее повествовательного характера.

То, что обсуждалось выше, обеспечивает поддержку мнению о том, что историки в состоянии давать знание о том, что же в действительности происходило в прошлом.

Один из самых известных теоретиков философско-исторического нарративизма – Хейден Уайт. Позиция, изложенная несколько десятилетий тому назад в его книге «Метаистория», стала важнейшим источником для разработки нарративизма, а также

других подходов аналитической философии истории. И его последние работы, соотносящиеся с такими разработками, а также с критикой, представляют собой в настоящее время одну из наиболее полных и последовательных версий нарративизма (82; 83)¹.

Исходным моментом для Х. Уайта служит тот бесспорный факт, что для специфически исторических дискурсов типичным является создание нарративных интерпретаций своего материала. Наделение исторических дискурсов письменной формой, их перевод в эту форму порождает специфический объект, историографический текст, который в свою очередь может стать объектом философской, критической рефлексии.

Современная теория истории поэтому обычно проводит различие между прошлой реальностью, являющейся объектом исследования историка, историографией, т.е. письменным дискурсом историка относительно этого объекта, и философией истории, которая исследует возможные отношения между этим объектом и этим дискурсом.

Х. Уайт напоминает о том, что наш опыт истории неотделим от нашего дискурса относительно истории. Дискурс нужно создать, написать, прежде чем он предстанет как «история». Опыт истории предстает многообразно, соответственно многообразию дискурсов в историографии.

Согласно такому подходу, «история» представляет собой не просто объект изучения или соотносящиеся с ним исследование. Это главным образом определенное отношение к «прошлому», опосредованное тем или иным видом письменного дискурса. Поскольку исторический дискурс находит выражение в специфической форме писания, то необходимо указать на релевантность теории литературы для теории и практики историографии.

Х. Уайт дает краткую характеристику исторического дискурса и присущего ему способа познания. Такая характеристика заключается в указании предпосылок исторического дискурса. Первая предпосылка, причем необходимая предпосылка, – самосуществование прошлого. Познаваемость прошлого доказывается тем, что пишутся работы об истории.

Вторая предпосылка состоит в том, что исторический дискурс не предполагает, что наше познание истории является результатом какого-то определенного исследовательского метода. Выбираемые

¹ В распоряжении автора имеются только немецкая и испаноязычная версии этих работ Х. Уайта.

в качестве объекта исследования события, люди, структуры и процессы могут исследоваться историческим образом как *прошлые*, только если они становятся предметом специфического исторического писания.

Подобная характеристика исторического дискурса не означает, как подчеркивает Х. Уайт, что прошлые события, личности, институты и процессы не существовали в действительности. Не означает это также и того, что мы не в состоянии обладать более или менее точными сведениями об указанных явлениях. И тем более это не означает, что такие сведения нельзя превратить в знание посредством методов, применяемых теми или иными «научными» дисциплинами.

Предложенная характеристика призвана указать на то, что имеющаяся у нас информация о прошлом и наше знание о прошлом можно считать «историческими» лишь в том случае, если они становятся темой исторического дискурса.

Исторический дискурс не создает новой информации о прошлом, поскольку он может оформляться только при условии, что мы обладаем сведениями о прошлом. Нельзя говорить и о том, что исторический дискурс дает новые знания о прошлом, поскольку знание всегда есть результат определенного исследовательского метода. Что же производит исторический дискурс? Ответ Х. Уайта состоит в том, что исторический дискурс дает интерпретации тех сведений и тех знаний, которые имеются в распоряжении историка. А интерпретации могут получать различные формы – от простых хроник до высокоабстрактных «философий истории». Общим для всех таких форм можно считать обращение к нарративной форме изложения, когда наличествует стремление представить явления, с которыми они соотносятся, в качестве специфически «исторических» явлений.

В соответствии с текстуалистской концепцией репрезентации описание представляет собой средство конституировать те или иные положения дел в качестве возможных объектов исторического интереса, а также в качестве кандидатов на включение в число объектов, достойных того, чтобы быть вписанными в исторический дискурс. Если такой дискурс должен облечься в форму повествования, то объекты, подлежащие репрезентации, должны предстать как носители атрибутов историчности и нарративности.

Историчность того или иного объекта устанавливается посредством описания этого объекта в соответствии с правилами уста-

новления свидетельств, которые приняты в каком-то конкретном «сообществе историков» определенной эпохи и места.

По-иному обстоит дело с нарративностью. Нет правил повествования, подобных правилам установления свидетельств (свидетельствования). Это связано с тем обстоятельством, что повествование требует, чтобы агенты, события, институты и процессы были прежде всего изображены, а не концептуализированы.

Изображение различных сил, событий и сцен в качестве элементов драматических конфликтов и разрешения этих конфликтов – это средство конструирования повествовательных интерпретаций исторических процессов.

Существует различие между изображением и концептуализацией исторических событий и процессов. Однако если рассматривать изображения как операцию, которая производит повествовательную репрезентацию, а концептуализацию – как объяснение в форме доказательства, то очевидно, что концептуализация всегда представляет собой абстракцию от какого-то образа. Когда конструируется какое-то историческое прошлое, то скорее образ предшествует понятию, а не наоборот. В этом, по мнению Х. Уайта, заключено различие между историей в духе Ранке и философией истории в духе Гегеля.

Логика повествовательной интерпретации мира – будь то мира в его прошлом, будь то в его нынешнем состоянии, будь то в отношении между этими состояниями – это «логика образов и тропов», заключает Х. Уайт.

3.3. Методологическая проблематика исторической социологии

Современная историческая социология разрабатывается преимущественно в англоязычном мире, прежде всего в Великобритании и США.

При всех различиях в понимании характера исторической социологии можно констатировать несомненное преобладание установки на разработку социологической теории исторической жизни человечества. Если говорить кратко, своеобразие исторической социологии заключается в исследовании долговременных процессов социального изменения и оформления крупномасштабных социальных структур. В предметную сферу исторической социологии могут входить также те или иные исторические эпохи или даже отдельные крупные события исторической жизни. Важнейшим

направлением исследовательской работы является историческая компаративистика. В этом историческая социология многообразно пересекается с компаративистской социологией, в методологическом плане в том числе.

Историческая социология уже стала объектом интенсивного изучения. Особый массив образуют работы, ориентированные на методологическое осмысление исследовательской практики и впечатляющих теоретических достижений исторической социологии. При этом мы сосредоточим внимание в первую очередь на методологических разработках, осуществленных в рамках самой исторической социологии.

Важнейшей методологической проблемой для исторической социологии является проблема соотношения собственно социологии и историографии. Эта проблема освещается в работе Филиппа Абрамса (25). Общая позиция Ф. Абрамса заключается в том, что между «настоящей историей» и «настоящей социологией» не может быть разрыва, поскольку они преследуют одну и ту же цель – показать отношения между социальной структурой и социальной агентностью в процессах социально-исторического изменения. Опираясь на творчество классиков социологии, а также на работы крупнейших современных историков, Ф. Абрамс утверждает, что знание, к которому стремятся историография и социология, – это в общем одно и то же знание. По мнению Ф. Абрамса, есть основания говорить и о конвергенции методологических воззрений. В общем – это основной тезис методологических рассуждений Ф. Абрамса.

В подтверждение своей позиции он ссылается на то, что практика историографии в настоящее время столь многообразна, столь разнообразны ее пересечения с социологией, что, вероятно, уже нет нужды беспокоиться о формальных различиях и границах двух дисциплин. Вместе с тем Ф. Абрамс предлагает и аргументацию для обоснования этой позиции. В самом кратком виде ее можно представить следующим образом. Если историк и обладает каким-то специфическим предметом изучения, то это события. Именно в терминах событий историки конструируют историческую реальность. Даже в тех случаях, когда речь идет о ходе событий, сама идея хода связана с идеей событий. По мнению Ф. Абрамса, и те исторические подходы, которые связаны со стремлением реконструировать моменты или эпохи прошлого без соотнесения с отдельными событиями, в действительности представляют собой способы более адекватного постижения событий.

Определив центральное положение событий в историческом анализе, Ф. Абрамс указывает на то, что социология не уделяла достаточно внимания событиям как объекту анализа. С этим связаны те моменты разрыва между историей и социологией, которые исторической социологии надлежит преодолеть.

Деннис Смит сделал объектом своего анализа практически всю историю исторической социологии после Второй мировой войны (75). Мы обратимся к рассмотрению того сегмента его работы, который непосредственно посвящен методологической проблематике, – «методологическим подходам и стратегиям объяснения», по собственному выражению Д. Смита.

Д. Смит отмечает, что в академическом мире существует значительное напряжение на границе между социальной теорией и историческим исследованием. Историки могут быть обеспокоены тем, что им навязывают неадекватные общие теории. Это основная причина «остаточного антагонизма» между историками и социологами.

Д. Смит прежде всего выделяет «три вида деятельности» исторических социологов. Это «первичное исследование» конкретных исторических ситуаций, способствующее пониманию специфики этих ситуаций, их разнообразия и связанных с этими ситуациями социальных изменений. Другой вид образуют «эмпирические обобщения», опирающиеся и на исследования других ученых. Такие эмпирические обобщения соотносятся тем или иным образом с теоретическими проблемами. Наконец, «систематическое теоретизирование» относительно процессов исторического изменения; оно в той или иной мере опирается на результаты первичных исследований и эмпирические обобщения.

В работах исторических социологов устойчиво применяются четыре стратегии объяснения. Речь идет об опоре на те или иные базисные факторы исторического изменения. Итак, стратегия объяснения в исторической социологии может строиться вокруг первостепенного внимания к следующим факторам социального изменения: «отбор, проистекающий из соперничества»; «системные противоречия»; «инфраструктурные возможности»; «господствующие пути социального изменения».

Методологический сегмент работы Д. Смита состоит фактически в том, что конкретные концепции исторической социологии представляются как ориентированные преимущественно на тот или иной вид деятельности исторического социолога, а также на одну из указанных стратегий объяснения. Кроме того, Д. Смит уделяет значительное внимание характеру ценностно-идеологического

отношения представителей исторической социологии к изучаемому ими историческому материалу.

Важное место в рамках литературы, посвященной метатеоретическому изучению исторической социологии, по-прежнему занимает сборник работ «Видение и метод в исторической социологии» (79), в котором исследуются методологические подходы, использованные в творчестве главных представителей исторической социологии.

Из-за недостатка места мы представим только центральную статью сборника, написанную Тедой Скочпол (70). Т. Скочпол, как известно, сама одна из главных представителей современной исторической социологии.

Т. Скочпол ратует за открытость исторической социологии, которая не является и не должна становиться только каким-то разделом социологии или какой-то самодостаточной академической специальностью. Подобная открытость должна проявляться как в выборе исследовательской тематики, так и в выборе методологии. К примеру, социологи вправе использовать заимствуемые у историков методы изучения архивов, а также использовать работы историков в качестве «вторичных источников» исторических свидетельств.

Т. Скочпол подчеркивает, что ошибочно жестко связывать историческую социологию с какой-то определенной теоретической, эпистемологической или методологической ориентацией. Более того, подобная попытка не соответствовала бы исследовательской практике в современной исторической социологии. Выбор исследовательской стратегии и методов должен быть делом выбора со стороны индивидуальных ученых или группы ученых. Они вправе выбирать любые понятия, теории, гипотезы, подходящие для решения их задач. Одним словом, в исторической социологии не должно быть механических рецептов, жестких методологических установок.

Вместе с тем можно, по мнению Т. Скочпол, набросать «карту альтернативных исследовательских стратегий», которые использовались и, вероятно, будут использоваться в дальнейшем. В связи с этим она выделяет три основные стратегии, сочетающие исторически ориентированные исследования и социальную теорию, в первую очередь социологическую теорию.

Первая стратегия заключается в использовании одной теоретической модели в целях изучения одного или многих объектов, рассматриваемых посредством этой модели. Другая стратегия, связанная со скептическим отношением к ценности общих моделей

или каузальных гипотез, ориентирована на разработку того, что можно назвать осмысленными историческими интерпретациями. Еще одна стратегия состоит в применении различных, в том числе альтернативных, гипотез с целью выявить определенные каузальные закономерности, объясняющие те или иные исторические процессы или результаты этих процессов.

В 1950–1960-е годы считалось, что социология способна сформулировать приемлемую общую теорию общества, соответственно возможно использование какой-то общей модели применительно к одному или нескольким историческим случаям. Классическим образцом можно считать структурно-функционалистскую теорию эволюционной дифференциации, предложенную в книге Нила Смелзера «Социальное изменение в эпоху промышленной революции» (1959)¹. Эта теория, как предполагается, может быть применена к бесчисленному количеству исторических случаев. Основу общих моделей, применяемых в целях социологического изучения истории, могут образовывать самые различные идеи – не только структурно-функционалистские.

Основная методологическая проблема, связанная с использованием общих моделей, заключается в произвольности их выбора. О произвольности можно говорить в двух смыслах. Во-первых, сама модель должна быть дана до начала ее использования в исторических исследованиях. Во-вторых, возникают вопросы относительно применимости общей модели к конкретным историческим случаям. Историки вправе утверждать, что факты отбираются произвольно для подтверждения используемой социологической модели.

Если исторические социологи, использующие общие модели, осознают опасность произвольности, то ищут выход, как правило, в комбинировании своего подхода с какими-то вариантами двух других, которые будут рассмотрены ниже.

Вторая стратегия, используемая историческими социологами, заключается в разработке интерпретаций, имеющих широкий исторический охват. В какой-то мере такую стратегию можно считать скептической реакцией на применение теоретических моделей или гипотез в целях выдвижения каузальных обобщений относительно крупномасштабных структур или образцов изменения. Образцами использования данной стратегии в исторической социологии можно считать творчество Рейнгарда Бендикса и Эдварда П. Томпсона.

¹ Smelser N. Social change in the industrial revolution. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1959.

«Интерпретирующие исторические социологи», как Т. Скочпол называет приверженцев этой стратегии, уделяют значительное внимание «культурно укорененным» интенциям индивидов и групп. Кроме того, они, как правило, выбирают для исследования объекты, значимые с точки зрения нынешней эпохи. Интерпретирующие исторические социологи широко используют компаративистский подход. Они продвигаются осторожно, опробуя альтернативные гипотезы. Ведь с их позиций общие теоретические модели не воздают должное историческим партикулярностям и историческому разнообразию.

Приверженцы третьей основной стратегии в исторической социологии, по мнению Т. Скочпол, фокусируют усилия на разработке адекватного объяснения для какого-то четко определимого результата или образца в истории. К их числу относятся, к примеру, Марк Блок и Бэррингтон Мур. Базисная предпосылка осуществления такой стратегии заключается в признании существования в истории каузальных закономерностей, пусть и ограниченного масштаба. Установлению подобных закономерностей призвано содействовать использование различных, прежде всего альтернативных, гипотез. Эти гипотезы могут либо заимствоваться из прежних теорий, либо создаваться заново.

В этой исследовательской стратегии налицо, подчеркивает Т. Скочпол, отсутствие стремления анализировать исторические факты в соответствии с какой-либо предданной общей моделью объяснения. «Аналитические исторические социологи», как называет Т. Скочпол приверженцев такой стратегии, в гораздо большей мере склонны ставить вопросы «почему?», чем приверженцы интерпретативной стратегии.

Особую роль в данной исследовательской стратегии играет компаративистский подход. По существу основные работы, осуществленные с позиций этой стратегии, представляют собой компаративистские исследования того или иного масштаба. Компаративистские исследования ориентированы на установление общих для нескольких случаев каузальных факторов, призванных объяснить общий для этих случаев исторический феномен. Компаративистские исследования могут быть ориентированы на демонстрацию контрастных различий между одними случаями и другими случаями. (Здесь речь идет фактически об использовании в компаративистских исследованиях в исторической социологии двух методов – «метода согласия» и «метода различия» – у Дж.С. Милля.)

Как видно, метатеоретическое осмысление исторической социологии, а также разработка ее методологической проблематики носят весьма дифференцированный характер. Более того, целый ряд таких разработок могут рассматриваться как дополняющие друг друга. Так, Денис Смит уделил значительное внимание анализу работы исторического социолога как субъекта исследовательской деятельности. Это можно рассматривать как важное дополнение к анализу методологической проблематики в строгом или традиционном смысле.

Исторической социологией проделана колоссальная работа, получены в высшей степени ценные теоретические результаты. Мы вправе утверждать, что уровень, разнообразие и результаты методологической саморефлексии исторической социологии в значительной мере соответствуют ее общим достижениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С XVII в. предпринимаются усилия наделить социально-гуманитарное познание таким же надежным теоретико-методологическим обоснованием, каким обладало мощно утвердившееся новое естествознание. Разумеется, и в настоящее время ведется интенсивная работа в этом направлении как в философии, так и в различных социальных и гуманитарных науках.

В данной работе рассматривались только некоторые наиболее общие проблемы методологии социально-научного познания. Была предпринята попытка показать, что эти проблемы фактически образуют своего рода основу или каркас многообразных конкретных методов, используемых в социальных науках.

Такая проблематика носит более общий характер в сопоставлении с конкретными методами и методиками. Она присутствует в конкретных методах и методиках в качестве наиболее общих эксплицитных или имплицитных предпосылок. Именно с целью выделить это обстоятельство нередко использовался термин «мета-теоретический», а не «методологический».

Эти фундаментальные предпосылки конкретных исследовательских методов, используемых социальными науками, можно считать «фоновым методологическим знанием».

Неудивительно, что при такой ориентации в данной работе при рассмотрении методологической проблематики социально-научного познания известное преобладание получила философско-методологическая перспектива. Это было обусловлено и тем вниманием, которое было уделено философии социальных наук; и характером рассматривавшихся проблем методологии социологического познания; и фактической ролью, которую играет в методологии исторического познания философия в форме определенной разновидности философии истории.

Вместе с тем философско-методологическая проблематика образует только часть общих методологических проблем социально-научного познания, что мы и стремились показать при изучении методологической проблематики социологического познания и исторического познания.

Вообще задачи решались посредством изучения и философской литературы, и литературы, специально посвященной методологической проблематике социальных наук. В некоторых случаях методологическая проблематика реконструировалась напрямую из контекста исследовательских работ.

При общей ориентации данной работы одной из основных задач стало определение отношений между философией социальных наук, где, естественно, представлена главным образом философско-методологическая проблематика социально-научного познания, и общей методологией, как она разрабатывается в самих социальных науках, в данном случае – в рамках дисциплинарных комплексов социологического познания и исторического познания.

Попытка решения этой задачи привела к двум выводам. Первый заключается в том, что ни о какой иерархии, ни вообще о какой-либо системности в отношениях между философией социальных наук и методологией конкретных социальных наук говорить не приходится. Второй вывод позволяет утверждать, что выделенные нами основные тематические направления метатеоретической мысли в философии социальных наук фактически находят продолжение в методологии социологического и исторического познания. В связи с этим можно даже говорить о наличии определенной сквозной тематики в философской метатеории социальных наук и в собственно дисциплинарной методологии этих наук. Разумеется, такой сквозной тематикой далеко не исчерпывается философская и конкретно-дисциплинарная методологическая проблематика социально-научного познания. Вместе с тем ориентация на такую сквозную тематику способна задать определенное единство наиболее теоретическому компоненту методологического комплекса социально-научного познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004.
3. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – Москва: Добросвет, 2000.
6. Бодрийяр Ж. Соблази. – М.: Ad Marginem, 2000.
7. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. – М.: Логос, 2003.
8. Гидденс Э. Ускользающий мир. – М.: Весь мир, 2004.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика: общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
10. Кимелев Ю.А. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса в освещении западных социологов // Современная западная теоретическая социология. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – Вып. 1: Юрген Хабермас.
11. Кимелев Ю.А. Философия истории. Системно-исторический очерк // Философия истории: Антология / Сост., ред. Кимелев Ю.А. – М.: Аспект-пресс, 1995. – С. 3–29.
12. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Теория общества Энтони Гидденса // Современные социологические теории общества. – М.: ИНИОН РАН, 1996.
13. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна. – М.: ИНИОН РАН, 1996.
14. Кимелев Ю.А. «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии. – М.: ИНИОН РАН, 2006.
15. Кимелев Ю.А. Западная философская антропология на рубеже XX–XXI вв. – М.: ИНИОН РАН, 2007.
16. Кимелев Ю.А. Западная философия истории на рубеже XX–XXI веков. – М.: ИНИОН РАН, 2009.
17. Кимелев Ю.А. Современная испанская философия. – М.: ИНИОН РАН, 2010.
18. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна – М.; СПб.: Алетейя, 1998.
19. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. – М.: Логос, 2004.
20. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 1.

21. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998.
22. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Практика, 2002. – Ч. 1.
23. Хардт М., Негри А. Империя. – М.: Прогресс, 2004.
24. Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. – М.: Практика, 2004.
25. Abrams Ph. Historical sociology. – Ithaca, N. Y.: Cornell univ. press, 1993.
26. Acham K. Philosophie der Sozialwissenschaften. – Freiburg/München: Karl Alber, 1983.
27. Alexander J.C. Sociological theory since 1945. – L.: Hutchinson, 1987.
28. Alexander J.C., Giesen B. From reduction to linkage: the long view of the micro-macro link // The micro-macro link / Ed. by Alexander J.C., Giesen B., Münch R., Smelser N.J. – Berkeley/ Los Angeles: Univ. of California press, 1987. – P. 1–44.
29. Alvera R., Spang K. Humanidades para el siglo XXI. – Navarra: EUNSA, 2006.
30. Andrieu B. La neurophilosophie. – P.: Presses univ. de France, 1998.
31. Angehrn E. Geschichtsphilosophie. – Stuttgart: Kohlhammer, 1991.
32. Balog A. Neue Entwicklungen in der soziologischen Theorie. – Stuttgart: Lucius und Lucius, 2001.
33. Baudrillard J. L'illusion de la fin ou La grève des événements. – P.: Galilee, 1992.
34. Baumgartner H.M. Philosophie der Geschichte nach dem Ende der Geschichtsphilosophie. Bemerkungen zum gegenwärtigen Stand des geschichtsphilosophischen Denkens // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Nagl-Docekal H. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996. – S. 151–172.
35. Bhaskar R. Scientific realism and human emancipation. – Hassocks: Harvester press, 1986.
36. Braybrooke D. Philosophy of social science. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1991.
37. Brauer D. Rememoración y verdad en la narración historiográfica // La comprensión del pasado: Escritos sobre filosofía de la historia / Cruz M., Brauer D. (comps). – Barcelona: Herder, 2005. – P. 13–39.
38. La comprensión del pasado: Escritos sobre filosofía de la historia / Cruz M., Brauer D. (comps). – Barcelona: Herder, 2005.
39. Cruz M., Cuatango R. Filosofía de la historia al final del siglo XX: una experiencia racional transformada // El legado filosófico y científico del siglo XX. – Madrid: Ediciones Cátedra, 2007.
40. Cuatango R. La «destrucción» de la idea de futuro // Hacia dónde va el pasado. El porvenir de la memoria en el mundo contemporáneo / Cruz M. (comp.). – Barcelona: Paidós, 2002. – P. 187–206.
41. Danto A.C. Niedergang und Ende der analytischen Geschichtsphilosophie // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Nagl-Docekal H. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996. – S. 126–147.
42. Eisenstadt S.N. Multiple modernities in the age of globalization / Department of sociology and anthropology at Truman research inst. – Jerusalem: The Hebrew univ. press, 1998.
43. Ferrarotti F. L'ultima lezione. Critica della sociologia contemporanea. – Roma, Bari: Editori Laterza, 1999.

44. Giddens A. The consequences of modernity. – Stanford (Cal.): Stanford univ. press, 1990.
45. Giddens A. Modernity and self-identity. – Stanford (Cal.): Stanford univ. press, 1991.
46. Habermas J. Theorie des Kommunikativen Handelns. – 3. durchges. Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1985. – Bd 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung.
47. Habermas J. Theorie des Kommunikativen Handelns. – 3. durchges. Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1985. – Bd 2: Zur Kritik der funktionalischen Vernunft.
48. Hacia dónde va el pasado. El porvenir de la memoria en el mundo contemporáneo / Cruz M. (comp.). – Barcelona: Paidós, 2002.
49. Hollis M. The philosophy of the social sciences. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1994.
50. Hollis M. Philosophy of social science // The Blackwell companion to philosophy / Ed. by Bunnin N. and Tsui-James E.P. – Oxford: Blackwell, 2003. – P. 375–402.
51. Johansson I. Ontological investigations. – L., N.Y.: Routledge, 1989.
52. Mann M. Societies as organized power networks. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1986. – Vol. 1: A history of power from the beginning to A.D. 1760.
53. Marquard O. Schwierigkeiten mit der Geschichtsphilosophie: Aufsätze. – 3. Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.
54. Maurer R. Die Unmöglichkeit einer transzendentalen Begründung der Gesellschaft // Kant oder Hegel. / Hrsg. von Henrich D. – Stuttgart: Ernst Klett, 1983. – S. 519–530.
55. Mittelstrass B.J. Die Häuser des Wissens. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1998.
56. Münch R., Smelser N.J. Relating the micro and macro // The micro-macro link. Ed. by Alexander J.C., Giesen B., Münch K., Smelser N.J. – Berkeley and L.A.: univ. of California press, 1987. – P. 356–388.
57. Nagl-Docekal H. Ist Geschichtsphilosophie heute noch möglich? // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Nagl-Docekal H. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996. – S. 7–63.
58. Naishtat Fr. La globalización y la noción filosofica de «historia mundial» (Weltgeschichte) // La comprensión del pasado. Escritos sobre filosofía de la historia / Cruz M., Brauer D. (Comps). – Barcelona: Herder, 2005. – P. 407–430.
59. Pompa L. Philosophy of history // The Blackwell companion to philosophy / Ed. by Bunnin N., Tsui-James E.P. – Oxford: Blackwell, 2003. – P. 428–452.
60. Readings in globalization / Ed. by Ritzer G., Atalay Z. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
61. Robertson R. Globalization: Social theory and global culture. – L.: Polity, 2004.
62. Rohbeck J. Die Fortschrittstheorie der Aufklärung. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1987.
63. Rohbeck J. Technik – Kultur – Geschichte – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2000.
64. Rosenberg A. Philosophy of social science. – Oxford: Clarendon press, 1988.
65. Ruben D.-H. The metaphysica of the social world. – L.: Routledge, 1985.
66. Runciman W.G. A treatise on social theory. Vol. 1: the methodology of social theory. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1983.
67. Runciman W.G. The social animal. The univ. of Michigan press, 2000.
68. Rüsen J. Geschichtsdanken im interkulturellen Diskurs // Westliches Geschichtsdanken: Ein interkulturelle Debatte / Hrsg. von Rüsen J. – Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1999. – S. 13–30.

69. Schnädelbach H. «Sinn» in der Geschichte? – Über Grenzen des Historismus // Schnädelbach H. Philosophie in der modernen Kultur – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2000. – S. 127–149.
70. Scocpol Th. Emerging agendas and recurrent strategies in historical sociology// Vision and method in historical sociology / Ed. by Scocpol Th. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1991. – P. 356–391.
71. Searle J.R. Mind, language and society. – L.: Basic books, 1999.
72. Sibilía P. El hombre postorganico. Cuerpo, subjetividad y tecnologías digitales. – Buenos Aires: Fondo de cultura ecomica, 2005.
73. Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Nagl-Docekal H. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996.
74. Smelser H.J. Comparative methods in the social sciences. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.
75. Smith D. The rise of historical sociology. – Philadelphia: Temple univ. press, 1991.
76. Touraine A. Critique de la modernité. – P.: Fayard, 1998.
77. Tomlinson G. Globalization and culture. – Chicago: The univ. of Chicago press, 1999.
78. Urry G. Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century. – L.; N.Y.: Routledge, 2000.
79. Vision and method in historical sociology / Ed. by Scocpol Th. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1991.
80. Waters M. Globalization. – L.; N.Y.: Routledge, 1996.
81. Westliches Geschichtsdenken: Ein interkulturelle Debatte / Hrsg. von Rüsen J. – Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1999.
82. White H. Literaturtheorie und Geschichtsschreibung // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Nagl-Docekal H. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996. – S. 67–106.
83. White H. Construcción histórica // La comprensión del pasado. Escritos sobre filosofía de la historia / Cruz M., Brauer D. (Comps). – Barcelona: Herder, 2005. – P. 43–58.

Ю.А. Кимелев

**МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(Современные дискуссии)**

Аналитический обзор

Оформление обложки
и компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор Я.А. Кузьменко

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 7/II – 2011 г. Формат 60x84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 6,0 Уч.-изд. л. 5,0

Тираж 300 экз. Заказ № 23

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (499) 120-45-14**

E-mail: market@INION.ru

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9

